

ЮРИЙ НЕСТЕРЕНКО

**Ф
О
Р
М
А
П
И
Н**

По мотивам одноименной песни группы Fleur

Если ты родилась в трущобах Тихуаны и сумела дожить до пятнадцати лет - ты знаешь о жизни все.

Я дожила до двадцати трех.

Впервые меня попытались изнасиловать в мой двенадцатый день рождения. Моя мать продала меня одному из своих клиентов. Вообще-то ей делали такие намеки и раньше, но у нее тоже были свои принципы. Она считала, что до двенадцати мне слишком рано этим заниматься. Не могу даже сказать, что она меня не любила. Она часто плакала надо мной, особенно когда напивалась, гладила мои волосы - у меня с детства были прекрасные черные вьющиеся волосы - и называла "мой ангелочек". Собственно, она и имя мне дала именно такое - Анхелина. До сих пор помню эти ее слезы, размазывавшие дешевую косметику, и запах виски у нее изо рта, когда она шептала ласковые слова. Мне было противно и одновременно жалко ее. Ну а как только мне исполнилось двенадцать, она решила, что пора уже и мне приносить в дом деньги. Или, может быть, дело было не в дате, а просто ей остро нужны были деньги на дозу, и она уже не могла терпеть. А может даже я и возвожу на нее напраслину. Тот мужик - старый козел, ему было лет пятьдесят - сказал, что "с мамой мы обо всем договорились", но непосредственно от нее я этого не слышала. Когда он уводил меня, она лежала в отключке.

Я сказала ему, что вообще-то моя девственность уже обещана одному серьезному парню из картеля, и он сильно разозлится, если не получит обещанного. Поэтому я лучше отсосу. Он согласился. И я откусила ему его стручок. Зубы у меня всегда были крепкие.

Ну, точнее, перекусила пополам. А пока он орал и зажимал свой хлещущий кровью огрызок обеими руками - большая ошибка с его стороны - я выдернула заколку из волос и воткнула ему в глаз. Сперва в один, потом тут же в другой. Мне ведь не нужно было, чтобы он когда-нибудь потом узнал меня на улице, верно?

В тот вечер я поклялась, что ни один мужик никогда меня не поимеет. Собственно, я и раньше склонялась к этой мысли, слыша из-за фанерной перегородки те звуки, которые издавали клиенты моей матери и она сама. Но в тот вечер я дала торжественную клятву. В церкви. Куда забежала, чтобы умыться и прополоскать рот от всей этой дряни святой водой из чаши. Хотя мне сгодилась бы любая вода, необязательно святая - просто церковь оказалась ближайшим местом. В этот поздний час там никого не было и стоял полумрак, что меня более чем устраивало. Но священник все же заметил меня и поспешил ко мне со словами: "Могу ли я помочь тебе, дитя мое?" - а потом его глаза расширились, когда он увидел кровавые пятна на моей футболке. Но я сказала, что все в порядке, просто у меня шла носом кровь, и поспешно ретировалась из церкви.

Знаем мы этих добреньких. К моей матери они тоже ходили...

Домой я, разумеется, уже не вернулась и больше никогда не видела свою мать. Знаю только, что за тот случай ее никто не прирезал. Возможно, тот козел таки сдох от потери крови. Или же не посмел жаловаться перцам¹ и, после полученных увечий, не смог отомстить сам. Моя мать умерла лишь несколько лет спустя, от передоза - так, во всяком случае, мне говорили.

Отца у меня никогда не было. То есть физически он, конечно, был. Мать даже называла его имя - Арон. Говорила, что он был богатым гринго, что у него свой дом в Калифорнии - не в нашей, а в ихней Калифорнии - трехэтажный особняк с бассейном на берегу океана, среди живописных скал и сосен. И что он будто бы обещал приехать за ней, когда помрет его жена, которая больна чем-то там неизлечимым даже для штатовской медицины. Что он когда-нибудь заберет в благословенную Америку нас обеих.

Все это, конечно же, полная чушь. Богатые гринго периодически мотаются в Мексику, чтобы вдали от жены, больной или здоровой, поразвлечься с местными шлюхами - но выбирают более презентабельные места. Если бы моя мать попыталась сунуться туда, ее бы просто прирезали - а в нашем районе прирезали бы такого вот богатенького туриста. Хотя, конечно,

¹ Презрительная кличка полицейских - guindilla, что буквально означает "острый перец".

какой-нибудь гринго попроще - к примеру водила-дальнобойщик - и мог оказаться среди клиентов моей матери и наврать ей с три короба, но скорее всего она сама выдумала всю эту историю про миллионера с виллой у океана, который когда-нибудь увезет ее в рай. Выдумала, а со временем и сама начала в нее верить. Я тоже верила... какое-то время. Не очень долгое. Лет, наверное, до восьми.

Так что с двенадцати лет я стала жить на улице, воруя еду и прочее по мелочи в магазинах, потроша мусорные баки возле дорогих отелей, иногда собирая монетки, которые глупые туристы кидают в фонтан. Но там большая конкуренция, так что я в первые же дни обзавелась бритвой, которую потом сменила на нож-выкидуху. А вот от заколки пришлось как время отказаться, потому как свои шикарные волосы я обрезала практически наголо. Было чертовски жалко, но длинные волосы легко схватить и намотать на кулак. А с обрезанными и в свободной футболке навыпуск я лет до четырнадцати легко сходила за мальчишку - во всяком случае для тех, кто не присматривался.

Но были и те, кто присматривался. Или кому было неважно, какой пол. С насильниками главное - не начать сопротивляться раньше времени. Сделать вид, что сама только об этом и мечтаешь. Тогда они не пытаются держать или связывать твои руки. Они все удивительно тупые - каждый, каким бы уродливым, плюгавым и вонючим он ни был, убежден в собственной неотразимости. Особенно после того, как покажешь им сиськи. Они пялятся на сиськи и перестают следить за руками.

Я кастрировала еще троих. И порезала еще полдюжины - в основном по мелочи, но одного точно насмерть (мне тогда было уже четырнадцать).

Но однажды мне не повезло. Их было шестеро, и они были на взводе. Обычно-то я знала все входы и выходы, все дырки и лазейки, и всегда просчитывала, куда буду убегать. Но тут мне пришлось забежать в чужой район, спасаясь от очень настырного магазинного охранника. Район был такой, что охранник счел за благо отстать - но я не сразу сообразила, почему он это сделал. Я еще даже толком не успела восстановить дыхание, когда на меня вышли эти - с двух сторон, спереди и сзади. "Да ты, никак, заблудилась, крошка?"

Шансов у меня не было никаких. Я могла бы порезать одного, но остальные прикончили бы меня. И - я видела по их глазам, что именно этого они и хотят. Не просто трахнуть по кругу - хотя, конечно, и это тоже. Но мучить и глумиться, чтобы я плакала и молила о пощаде, пока у меня еще будут силы хотя бы для этого. А потом порезать на куски или просто забить ногами. Так что разыгрывать покорную шлюху, которая сама жаждет их обслужить, было бесполезно. Бесполезно было даже *стать* такой шлюхой - хотя я и поклялась, что никогда ни один мужик меня не поймет. И тогда я решила, что перережу себе горло прежде, чем первый из них до меня дотронется.

Меня спас Хуан.

Ему было 17 - на два года больше, чем мне - но у него уже была своя банда. Ну как банда - не картель, конечно, так, полторы дюжины уличных пацанов. Некоторые и постарше, и посильнее него - но все равно его слушались. Даже те, кто успел уже отсидеть в тюрьме. Потому что они были тупые громилы, а он был умный.

Но в тот вечер он оказался в этом переулке один. И сразу пошел на этих шестерых. Ну как пошел - просто достал пушку и начал стрелять. Не говоря ни слова, одного он грохнул, остальные разбежались. Хотя у них тоже были пушки. Во всяком случае, у того, который остался лежать. Хуан деловито обыскал его и все так же молча протянул его пушку мне. Это был его первый подарок.

Потом он дарил мне и другие вещи. Даже цветы. Красные гвоздики, чтобы я носила их в своих черных волосах. Он сказал, что теперь я снова могу отпустить волосы, потому что с ним мне больше нечего бояться.

Хуан и его банда явочным порядком занимали полуразвалившийся трехэтажный дом,

который официально считался выселенным. Тем не менее там были вода и даже электричество, за которые никто не платил - Хуан смастерил "жучки", обманывавшие счетчики. Правда, свет постоянно мигал, и чайники надо было кипятить по очереди - если их врубали в двух комнатах одновременно, проводку вышибало во всем доме. А вода текла тонкой ржавой струйкой, и пить в таком виде ее было, скажем так, нежелательно. Но Хуан соорудил на крыше большой перегонный аппарат - не для спирта, а именно что для очистки воды. Работала эта конструкция ("дистиллятор", как называл ее Хуан - он был не просто умный, он читал книжки) без всякого электричества, просто за счет солнца, лучи которого фокусировались поставленными вокруг зеркалами, найденными в брошенных домах. Понятно, что в дождливые дни перегонка не работала - но тогда мы просто собирали дождевую воду в расставленные на той же крыше тазы. Она была чище, чем та, что текла из крана.

Мы жили с Хуаном в одной комнате, но я не отказалась от своей клятвы, и он относился к этому с полным пониманием. Говорил, что я ангел, а ангелов не трахают. Мы даже не целовались - я ненавижу поцелуи с детства, с памяти о мокрых губах матери, слюнявивших мое лицо и оставлявших на нем безобразные пятна помады. Может быть, конечно, в глубине души Хуан и полагал, что со временем я передумаю - но, по-моему, ему самому нравилось, что у нас такие чистые отношения. В трущобах Тихуаны если и можно найти что-то чистое, то разве что чистый кокс - да и тот, вполне вероятно, окажется разбодяженным.

С коксом Хуан дела не имел. В дела картелей лучше не соваться. Банда промышляла главным образом крышеванием и мелкими кражами. Но Хуан мечтал о большем. Нет, он не хотел становиться большим криминальным боссом. Он мечтал вообще о другой жизни. О том, как мы с ним уедем в Америку, он откроет легальный бизнес - что-нибудь, связанное с техникой - и мы будем жить в Калифорнии, в собственном доме на берегу океана.

- Мы уже в Америке, - поддразнивала его я. - И у нас уже есть свой трехэтажный дом в Калифорнии. До океана, правда, отсюда далековато, но за полдня даже пешком дойти можно. Если не прирежут по дороге.

- Ты же понимаешь, я имею в виду *их* Калифорнию, а не нашу, - с мрачной серьезностью отвечал он. - Хотя вообще-то она вся наша. Гринго просто оттяпали ее у нас в XIX веке. Мы имеем полное право жить там. Это наша земля.

- Ты не любишь гринго, но хочешь жить и работать среди них?

- Ну что значит не люблю? - пожимал плечами он. - Они выиграли, а мы проиграли. И я признаю, что под их властью жизнь стала лучше, чем под нашей. Поэтому я готов учиться у них и подчиняться их законам. Пусть только дадут мне такой шанс.

Но чтобы получить этот шанс, нужны были большие деньги. То есть вообще-то, конечно, попасть в США не так уж запредельно сложно. Нелегальный трафик идет через Тихуану в Сан Диего круглый год. Гринго, понятно, это хорошо знают, многих вылавливают и заворачивают обратно, но многим и удается проскочить. Однако Хуан не хотел начинать на новом месте с нуля - точнее, даже не с нуля, а с минуса. С положения бесправного нелегала, согласного делать что угодно за гроши и вечно живущего под страхом депортации. И не хотел такой участи для меня. Поэтому говорил, что ждет, пока подвернется возможность для серьезного дела, которое позволит сорвать большой куш. Последнего криминала, который позволит начать новую честную жизнь.

Я говорила ему, что лучше бы он выкинул эту идею из головы, потому что большие деньги не бывают без большого риска - а я не хочу, чтобы он рисковал. "Кто бы говорил!" - улыбался он в ответ, напоминая обстоятельства нашего знакомства. А потом снова становился серьезным и говорил, что он умный и возьмется только за верное дело. А пока мы оба должны готовиться к нашей будущей счастливой жизни. И он не имел в виду пустые мечтания. Он читал книжки - не какие-нибудь комиксы, а настоящие университетские учебники. Говорил, что пусть у него и не будет диплома, но он будет знать не меньше, чем настоящий американский

инженер... Именно он убедил меня учить английский. В Тихуане, на самом деле, многие знают по-английски хотя бы несколько слов - как, наверное, и везде, а уж в особенности в городах на штатовской границе. Даже те, кто никогда не учился в школе - а я все-таки проучилась там целых четыре класса. Но Хуан заставил меня взяться за английский всерьез. Ну то есть как заставил - ничего он, конечно, меня не заставлял. Просто вдруг, проснувшись с утра, он резко "забывал" испанский, и говорить с ним можно было только по-английски. Правда, его познания тоже были не как у британского лорда. Так что порою мы затыкались и беспомощно мычали, оба не в силах подобрать нужное слово. Кончалось это всегда смехом. Мы тогда много смеялись. Это были самые счастливые полтора года за всю мою жизнь в Тихуане...

А потом Хуан сел. Причем совершенно на пустом месте. То есть вообще-то ему можно было предъявить много что, включая убийство, и даже не одно (хотя все эти уроды того заслуживали). Но ни одно его реальное дело на суде не всплыло. Перцам было лень в этом копаться. У них там прошла очередная разнарядка по борьбе с наркотиками, и им надо было отчитаться перед начальством. Желательно при этом не осложняя отношений с реальными картелями, потому что в Тихуане это, знаете ли, чревато даже для перцев. А на Хуана, очевидно, как раз кто-то стукнул - не то конкурирующая банда, не то один из мелких торговцев, плативших ему дань. Вот перцы и решили оформить, что у нас типа нарколаборатория. Сделали налет на наш дом ночью, когда все спали. Перегонный аппарат на крыше записали как вещдок, а недостающие доказательства принесли с собой.

Хуан согласился взять все на себя при условии, что они отпустят остальных. Дело-то было слишком явно притянута за уши, хороший адвокат развалил бы его на раз. Любому, кто в теме, понятно, что никакой независимой от картелей нарколаборатории в Тихуане быть не может - желающие покончить самоубийством выбирают менее болезненные способы. А на членов картеля мы тоже как-то совсем не походили. А тут еще выборы на носу (чем, собственно, и объяснялся всплеск антинаркотической активности), и публикации в оппозиционной прессе о полиции, фабрикующей дела, как бы никому не нужны. Тем паче что оппозиция может и на хорошего адвоката скинуться. Так что перцы согласились - а потом, как обычно, кинули. То есть отпустили, но не всех. В частности, кто уже сидел раньше - сел снова. Им, как говорится, сам бог велел. И в этом была двойная подлость. Если бы Хуана судили одного - ему бы дали меньше. А поскольку к нему притянули других, он пошел не просто как "наркоторговец", а как "лидер организованной преступной группировки".

Но меня отпустили - как и всех прочих, кому еще не исполнилось 18. Вообще-то по закону всех несовершеннолетних, не имевших родителей или опекунов, полагалось определить в какой-нибудь приют, но с этим им опять-таки было лень возиться. Нас просто выставили пинками обратно на улицу.

На улицу в буквальном смысле. Идти нам было уже некуда. Наш дом, весь перетянутый полицейскими лентами, снесли (типа как по муниципальным планам давным-давно положено было это сделать), окончательно заматывая все следы.

Хуана судили по ускоренной процедуре и присудили почти шесть лет.

Даже не знаю, как получилось, что во главе новой банды - точнее, тогда еще остатков старой - встала я. Ведь все то время, что я прожила с Хуаном, я почти не ходила на, собственно, дела. Все знали, что я девушка Хуана (хотя на самом деле мы были как брат и сестра, но в глазах всех прочих было удобнее поддерживать такой статус, чтобы никто не попытался приставать), и что при этом я не просто красивая куколка, а быстро бегаю, отлично дерусь и мастерски владею ножом (а Хуан научил меня еще и метко стрелять) - а главное, что и голова у меня не пустая. Но это было, так сказать, теоретическое знание. Я тусовалась с ними, пела для них (голос у меня всегда был хороший, а играть на гитаре я выучилась уже в банде) и вообще в каком-то смысле была душой компании (что, признаюсь, нередко напрягало, когда мне хотелось просто побыть одной - хотя и забавно было видеть, как расцветают улыбками их лица при моем появлении и

как даже самые завзятые неряхи начинают чаще мыться и стирать свои шмотки) - но в боевых условиях они меня доселе не видели. И если бы кто-то из них принял командование на себя, мне бы и в голову не пришло с этим спорить. Тем более что на глазах у меня еще сохли слезы после выслушанного приговора Хуану. Но я вдруг осознала, что стою перед зданием суда в окружении мальчишек, большинство из которых моложе меня (и лишь трое или четверо немного постарше), которые понятия не имеют, что им теперь делать и куда идти, и которые все без исключения - в том числе и те, кто старше - смотрят на меня в ожидании. В их глазах я, очевидно, была теперь заместителем Хуана. Его доверенным лицом. Его лейтенантом², как это называется по-английски. И я просто приняла эту роль.

У нас не осталось ничего - ни базы, ни оружия, ни денег. Все забрали перцы. (У Хуана были кое-какие заначки, но он все им сдал. Как я узнала потом, они сказали ему, что иначе оставят меня на несколько часов в одном автозаке с незнакомыми бандитами. Посадить девушку в одну камеру с мужиками нельзя, а вот во время перевозки арестованных по городу подобные ограничения не действуют.) Зато осталось, в некотором роде, самое ценное - информация и связи. Я хоть и не ходила на дела сама, но знала всю "клиентуру" Хуана. Среди тех, кого он крышевал, был владелец автомастерской Рамирес, чей легальный бизнес был прикрытием для перепродажи угнанных машин. Разборка на запчасти, перебивка номеров, перекраска и все такое. Я заявила к нему со своими парнями и сказала, что нам нужен трейлер, где можно жить. Причем не просто вагон, стоящий на месте, а машина на полном ходу. Рамирес поскреб промасленной лапой в нечесаных волосах и сказал, что, пожалуй, знает, где можно достать такой, но это будет стоить денег. Когда я любезно ответила, что ценю его чувство юмора, он сказал, что теперь он платит "пестрым" - та самая банда, что, видимо, подставила нас перцам - а с нами готов вести дела "по старой дружбе", но уже как с обычными клиентами. Я заверила его, что вопрос с "пестрыми" я улажу, а он пусть готовит трейлер, и побыстрее.

Трейлер он действительно раздобыл - древний и обшарпанный, выпущенный еще в прошлом веке, но, во всяком случае, Рамирес божился, что перебрал движок, и это чудо американского автопрома 1980-х не заглохнет на полдороге. Хорошо, сказала я, давай нам ключи, и мы привезем тебе деньги. Рамирес заявил, что мы так не договаривались. Хорошо, покорно сказала я, если ты нам не доверяешь, тогда поехали с нами. Собственно, ты эту колымагу и поведешь - так что беспокоиться тебе совсем не о чем, да к тому же ты и лучший водила, чем любой из нас (я совсем не умела водить, кое-кому из пацанов доводилось гонять на мотоциклах и парочке из них - управлять легковушкой, но не таким рыдваном, и прав ни у кого из них, само собой, не было). Отличная идея, не так ли, Рамирес? На его роже было написано, что он так не считает, но обступившие его парни были иного мнения, а их все-таки была добрая дюжина, пусть даже и без оружия, так что моя идея победила большинством голосов.

К штаб-квартире "пестрых" мы подъехали поздно вечером, было уже темно. Но в сам переулок заезжать не стали, ни к чему это было. Трейлер с большинством парней остался за углом, а я отправилась в гости пешком в сопровождении лишь двух пацанов, не выглядевших особенно грозными. Оружия ни у кого из нас не было - ни ножей, ни кастетов, ни даже каких-нибудь обрезков труб или палок. Зато я накрутила по полной (чего вообще по жизни терпеть не могу).

Я объявила придуркам, тусовавшимся у входа, что, поскольку банда Хуана разгромлена, мы хотим присоединиться к "пестрым". Нас обыскали (меня, естественно, облапали с глумливыми ухмылками, хотя и так было видно, что ни в карманах моих шорт, ни под футболкой нет ничего - включая лифчик), а потом провели к их главарю. Его кликуха была Рыжий, но он всегда брился наголо, так что, был ли он рыжим на самом деле, сказать не берусь (брови, по крайней мере, были белесыми и едва различимыми). Выслушав мою чуть ли не слезную мольбу

² Первоначальное значение слова lieutenant - заместитель. В английском оно сохраняется до сих пор.

о приеме в банду, он ответил все с той же глумливой улыбочкой, что вообще-то лузеры вроде нас ему не нужны, но для меня он, так и быть, готов сделать исключение, если я заплачу вступительный взнос. Не требовалось уточнять, что он имеет в виду. Отыметь девчонку поверженного конкурента на глазах у своих быков, а потом еще, небось, и пустить ее по кругу - такого удовольствия он, конечно, упустить никак не мог.

Я с покорным видом стянула через голову футболку - при этом незаметно выдернув заколку из волос, на которую, естественно, никто из них и не подумал обращать внимание. Дальше понятно. И его руки, и его глаза были заняты исключительно моими грудями - на мою руку, все еще прикрытую снятой футболкой, он даже не взглянул. Мужики такие одинаковые.

Я вонзила ему заколку в глаз и дальше в мозг на всю глубину.

У остальных ушло несколько секунд на то, чтобы подобрать челюсти - но потом они все-таки повыхватывали пушки. Но в этот самый момент погас свет.

Конечно, он погас не просто так. Трейлер в это самое время не дожидаясь меня без дела, а, захлестнув тросом столб на соседней улице, повалил его, оставив без электричества весь квартал.

В тот же миг пришли в движение и пара моих обманчиво мелких, но шустрых сопровождающих. Я услышала сдавленный крик, а потом стук и шорох упавшего и скользящего по полу пистолета, тут же наклонилась на звук и подхватила его.

- Стоять и слушать! - рявкнула я и для убедительности пальнула в потолок. Я понимала, что они не будут стрелять в ответ, боясь попасть в темноте в своих. - Я не шутила, когда предлагала объединить наши бригады. Только, поскольку Рыжий выбыл из гонки, командовать буду я. Если что - здание окружено моими парнями, которые забросают его коктейлями Молотова прямо сейчас. А всех из вас, кто будет выбегать, будут валить прямо на выходе. На фоне огня вы будете отличной мишенью, а вы их в темноте хрен увидите. Или так, или голосуйте за мою кандидатуру. Кто "за", спрашивать не буду. Спрошу сразу, кто против.

- Парни, вы что, позволите какой-то девке... - донеслось из темноты.

Я выстрелила на голос. Я-то знала, что мои парни уже прикрывают меня сзади-с боков и не находятся на линии огня. Видимо, мой выстрел оказался не очень удачным - вместо того, чтобы заткнуться, он начал орать. Пришлось потратить еще одну пулю.

- Один против. Был, - констатировала я. - Еще кто-нибудь? - я подождала три секунды, слушая их ошарашенное молчание, и констатировала: - Принято единогласно.

Может, кому и покажется странным, что банда, в которой иным парням было лет по двадцать пять, согласилась подчиниться семнадцатилетней девчонке. Но Рыжий тоже не был среди них старшим - как и Хуан среди нас. Однако, если Хуан стал главным благодаря своему уму, то Рыжий - благодаря своей славе отморозка. А пришив его на глазах у всей его бригады, я доказала, что я еще более отмороженная, чем он, так что все по справедливости.

Ну, на самом деле нашлось несколько типов, которые не приняли мое лидерство. Но они предпочли не нарываться, а просто по-тихому свалить. Среди них, кстати, оба охранника, которые лапали меня при обыске - должно быть, даже до их тупых мозгов дошло, что я могу им это припомнить. Ну и правильно сделали, что свалили.

Я, кстати, поинтересовалась у "пестрых", чьей идеей было подставить нас перцам. Они, конечно, все клялись, что без понятия - не стали даже валить на покойного Рыжего. Потому как избавляться от конкурентов через перцев - это запахло и полный зашквар не только для главаря, но и для всей его бригады. Ну да ладно, я сделала вид, что поверила. Тем паче что это и в самом деле мог быть кто-то из наших "клиентов".

Если это и вправду было так, то ничего этот клиент не выгадал. Всех их мы объехали в ближайшие дни. Да, теперь мы перемешались на трейлере. Я извлекла урок, что дом - это ненадежное убежище. Даже дом с несколькими выходами - в лучшем случае ты убежишь оттуда без всего. И бежать, и путешествовать, и атаковать лучше вместе со своим жилищем и штабом,

чтобы никто их врагов не знал, где ты находишься и где можешь оказаться в скором будущем. Конечно, теперь в моей объединенной банде было слишком много народу, чтобы селить их всех в трейлере. Полный комплект туда набивался, только когда требовался рейд полным составом. А в обычное время где-то две трети, у которых было какое-то свое жилье, обретались там. Но я и моя, так сказать, гвардия - куда вошло и несколько "пестрых" - жили теперь только в трейлере и никогда не проводили две ночи подряд на одном месте. Кстати, я быстро научилась его водить и даже лихо гонять на этой здоровой бандуре по узким улочкам. Так что Рамирес был избавлен от почетной, но тяготившей его обязанности водителя. Но он сделал для нас другую важную работу, обшив трейлер изнутри стальными листами и снабдив его форсированным движком.

Так вот, я объехала со своими парнями всех прежних и новых клиентов - познакомившись заодно с теми, кого крышевал Рыжий - и объяснила им, что я дала клятву, что ни один мужик меня не поимеет, а все, кто пытались - плохо кончили, так что лучше им даже не пробовать. И если кому-то из них показались недостаточно убедительными мои слова, то их прекрасно дополняло молчание стоявших к меня за спиной парней - не самых умных, но самых накачанных из двух банд.

Впрочем, среди клиентуры были не только мужики. Хуан брезговал крышевать проституток, а вот "пестрые" занимались этим охотно. И особенно охотно они при этом брали "плату натурой" - то есть на самом деле, конечно, это была никакая не плата, поскольку девчонкам приходилось обслуживать их сверх взимаемых денег, в любое время и любым способом.

Я положила этому конец. То есть, конечно, я не избавила их от дани вовсе - работать в Тихуане без "крыши" им бы никто не дал, если бы от этого заработка отказались мы, тут же отыскались бы другие желающие, возможно, еще более свирепые. Но я установила четкие правила - деньги деньгами, но если кто из парней хочет получить с проститутки что-то еще, он должен делать это на правах обычного клиента. То есть только то, на что девчонка сама согласится, и платить ей за это. Последнее правило особенно возмущало бывших "пестрых" - "Зачем платить девке деньги, которые она же потом тебе отдаст?" "А зачем пекарь платит сапожнику, который покупает у него хлеб?" - отвечала я. - Чтоб беспредела не было. Чтобы все было по-честному - кто кому сколько должен, тот тому и платит. Сегодня ты продавец, завтра покупатель." "Мы, вообще-то, не то и не другое", - ухмылялись мне в ответ мои бандиты. "Да поймите, - объясняла я. - У проституток бывают самые разные клиенты. В том числе перцы, например. Или парни из других банд. Или вообще всякие непростые ребята. У нас тут, конечно, район не элитный, но чем грязнее их фантазии, тем в более глухие места они ходят. И вот вся эта публика может расслабиться и что-то сболтнуть, особенно по пьяному делу. Или, скажем, пока такой дрыхнет, можно обыскать его карманы. А иногда и сам факт, что какой-нибудь, к примеру, чиновник или пастор ходит к девке, чтобы она ссала ему на лицо и стегала плеткой, позволяет взять его на крючок. А пастору могут исповедоваться очень серьезные люди, которые сами в наш квартал ни ногой, но от которых тут может зависеть что угодно. Теперь просекаете? Если мы будем с девчонками по-хорошему, то и они будут работать на нас не по принуждению, а по доброй воле. Собирать для нас инфу. Которую мы можем использовать сами, а можем и продавать тем, кто захочет купить. Сечете? Если она тебя ненавидит, то деньги ты с нее стрясеешь, а информацию не получишь. Как ты узнаешь, узнала она что-нибудь или нет? Она скажет "нет", и ты не проверишь. Ну, дашь ей в глаз, но ведь все равно ни с чем останешься. А если она будет хотеть, чтобы ее именно мы крышевали, а не какие-нибудь отморозки, так она для нас расстарается без всяких понуканий, и вопросы клиентам будет навоящие задавать, и по карманам шарить, и фотки тайком делать! "

В итоге даже до заскорузлых мозгов "пестрых" дошло, что я права. Не то чтобы, разумеется, ценная информация от проституток, даже искренне стремившихся ее добыть, поступала часто - все же большинство их клиентов были самыми обычными козлами, не

знавшими ничего полезного, да и далеко не каждого из них удавалось развести на разговор ("рот девке дан для другого", как они любят выражаться). Но, тем не менее, время от времени нам капали полезные сведения, которые позволяли когда подзаработать, когда уберечься от неприятностей, а когда и то, и другое. В общем, дела у нас шли неплохо, наш скромный бизнес рос, как и моя репутация, под нашу крышу переходило все больше клиентов. и вскоре уже никакие дела на районе не делались если не без моего согласия (хотя часто именно так), то, как минимум, без моего ведома.

Нет, я не создала криминальную империю на пол-Тихуаны. Я понимала, что есть границы, которые лучше не пытаться переходить. В дела картелей, например, мы по-прежнему не лезли, и я четко говорила своим: наркота - не наша тема, даже если какие-нибудь дилеры станут сами проситься под нашу крышу. Не связывались мы также с тем, что по-английски называется хьюман трафик. Тихуана, которая граничит по суше с Сан Диего и при этом еще и морской порт - наверное, крупнейший во всей Мексике хаб этого трафика. Проститутки сюда, нелегалы отсюда. Но именно поэтому все дорожки в этом бизнесе не только давным-давно протоптаны, но и поделены между такими серьезными компаниями, с которыми лучше не связываться. Короче, меня вполне устраивало быть первой на районе в нашей сфере и не лезть выше. Хотя информация о делах тех, кто "выше", до меня доходила. Перцам мы отстегивали (а куда деваться?), но и знали о них достаточно, чтобы они, в свою очередь, не сильно борзели. У меня были среди них информаторы, которые загодя предупреждали нас о любых спецоперациях и облавах, а их начальство, в свою очередь, понимало, что лучше иметь дело с нами, которые крепко держат район и ведут бизнес по понятиям, чем с хаосом и беспределом, который мог бы воцариться без нас.

Так прошло почти шесть лет. За это время, конечно, парни не раз пытались ко мне подкатывать, но аккуратно. И я так же деликатно их отшивала. Они отваливали без возражений, понимая, что я жду Хуана, и моя верность ему - качество, воспеваемое в воровских песнях, но на самом деле не слишком распространенное в трущобах Тихуаны - только добавляла мне авторитета.

Я и в самом деле ждала его все эти годы. Надеялась вытащить его по условно-досрочному, забашляв кому надо, но с этим не прокатило. Для амнистии нужно "примерное поведение", а Хуан числился нарушителем дисциплины и как раз тогда, когда должен был решаться вопрос о его освобождении, загремел в карцер - причем не то чтобы его подставили, желая заставить стучать (это было бы понятно), а из-за драки, которую затеял он сам. Признаюсь, когда я об этом узнала, то была просто в отчаянии и здорово зла на него. Я не могла понять, как он, такой умный, мог свалить такого дурака. Но на свидании Хуан был бодр и весел, говорил, что знает, что делает. Чтобы я не забывала читать книги и совершенствовать свой английский, потому что, как только он выйдет, мы уедем в Штаты и будем жить на собственной вилле на берегу океана, в окружении скал и сосен. Он говорил об этом так уверенно, что я поняла - это не просто слова, чтобы меня подбодрить. У Хуана был план - о котором он, понятно, не мог рассказывать при тюремщиках, и мне оставалось только верить, что это хороший план.

И я верила ему. Потому что знала, что он умный - и потому что хотела верить. На самом деле ни для меня, ни для него карьера лидера банды не была намеренным выбором - судьба просто забросила нас на эту роль. Не скажу, что такая роль была мне противна, по-своему это было интересно - но это не была та жизнь, о которой я мечтала. Может быть, потому, что еще совсем мелкой наслушалась сказочек матери о трехэтажной вилле на берегу океана, вдали не только от трущоб, но и вообще от городской толчеи, куда мой неведомый отец когда-нибудь заберет нас обеих. Я очень рано поняла, что этого никогда не будет, но мечтать-то себе не запретишь. И Хуан тоже мечтал о подобном, но для него это были не сказки. У него был план.

И я читала книжки и смотрела фильмы на английском. Крутила одни и те же по

множеству раз, повторяя фразы за актерами, чтобы отработать произношение. Выучила кучу фильмов наизусть. "Перестреляйте всех и сожгите город. Что-нибудь еще, дорогая? - Там есть одна семья с детьми... Сначала убейте детей, и пусть мать смотрит. Скажите ей, что остановитесь, если она не будет плакать. Думаю, у нее не получится – Вера очень слезлива." "Догвилль." Мощное кино. Наглядно показывает, что стоит один раз проявить слабость - и вскоре тебя уже будет трахать весь город. А месть - это, конечно, прекрасно, но лучше все-таки вовсе не допускать того, за что потом придется мстить.

И вот, наконец, настал тот день, когда, отсидев свой срок от звонка до звонка, Хуан все-таки вышел. Сперва он восхищался тем, как я вела дела в его отсутствие и как выросли за это время сила и влияние нашей банды (понятно, что во время свиданий при надзирателях я не могла рассказывать ему подробностей). Даже сказал (когда закончилась общая гулянка по поводу его освобождения и мы остались вдвоем), что будет жаль покидать так хорошо налаженный бизнес. А потом поведал, как именно он намерен это сделать.

Выслушав его план, я чуть не набросилась на него с кулаками - хотя очень редко даю волю эмоциям. Я кричала, что считала его умным, а он на самом деле идиот, который хочет погубить нас всех. А он в ответ лишь самоуверенно ухмылялся и говорил, что готовился давно и все тщательно продумал. Риск, конечно, есть, но - "нам нужно просто рискнуть в последний раз в нашей жизни". "Вот именно - в последний!" - мрачно ответила я, но он не слушал и продолжал, что, мол, совсем без риска невозможно добыть три миллиона долларов - а именно столько нам нужно, чтобы уехать в США не бесправными нелегалами и не по поддельным документам, а на законных основаниях, в качестве уважаемых инвесторов. 1.8 миллиона нужно вложить в американский бизнес, чтобы получить вид на жительство и впоследствии гражданство, а остальное нам на дом и текущие расходы, пока бизнес не начнет приносить прибыль.

Что верно, то верно. Не знаю, может быть, для какой-нибудь нью-йоркской банды это и не сильно большие деньги, но в трущобах Тихуаны для бригады районного масштаба, даже для такой успешной, какой стала наша под моим командованием, эта сумма запредельная. А на практике-то нам нужно было еще больше - ведь мы не могли повернуть операцию вдвоем, а значит, надо было поделиться с другими. Но все равно то, что задумал Хуан...

Идея его была такой. В тюрьме он свел знакомство с личным охранником Альвареса, одного из боссов "Тихуаны"³. Я имею в виду не город, а картель, хотя называть его и одним из боссов города не будет большим преувеличением. Звали его - то есть охранника, а не босса - Педро Бульдозер, и свое прозвище он получил вовсе не за физическую силу и габариты (хотя и этим от природы обижен не был), а потому, что свою первую ходку мотал за угон бульдозера, здоровенного гусеничного "Катерпиллара". На вопрос, на хрена ему понадобился этот трактор, Педро угрюмо отвечал, что хотел свалить на нем в Штаты, проломив ковшом пограничную стену. В общем, понятно, что все, чем природа одарила его по части силы, она сэкономила на уме. Ржали все, включая судей, но свои три месяца тюрьмы он таки получил. А в тюрьме его уже заметили более серьезные ребята, и тогда он уже сделал более успешную карьеру, в конечном счете дослужившись до уже упомянутого мною места. Однако и оттуда он в итоге загремел в тюрьму за чересчур рьяное исполнение профессиональных обязанностей. Обычно перцы смотрят сквозь пальцы на убийство одними бандитами других, полагая, что так им только меньше работы (уж мне ли, да и Хуану, было это не знать), но Бульдозера подвело то, что он открыл пальбу на глазах у кучи свидетелей. А точнее, даже и не это - само убийство фактически сошло ему с рук, оформленное как самооборона - а то, что он стрелял из незарегистрированного пистолета (разрешение на каковой ему, как ранее судимому, не полагалось), и вот этого уже

³ Tijuana - наркокартель, базирующийся в соответствующем городе и один из двух крупнейших, оперирующих в нем (вторым - и соответственно злейшим врагом "Тихуаны" - является картель Sinaloa). Имеет репутацию самой жестокой криминальной организации во всей Мексике.

беспристрастная мексиканская Фемида простить не могла никак.

Обычно членов картелей в тюрьмах сажают своих со своими, потому что начальство не хочет резни на подведомственной территории. Но Бульдозер забурел, считая себя слишком крутым, и нахамил одному из вертухаев - не самому начальнику, рангом пониже. А тот взъярился - тем паче что оскорбление было публичным - и решил наказать его куда суровее, чем карцером. И перевел в камеру, где сидели члены "Синалоа", а заодно и Хуан (который не относился ни к одному из картелей, но надо же было его куда-то девать). Вот тогда-то Хуан, уже знавший, кто такой Бульдозер, и спас ему жизнь.

Надо сказать, Хуан, по жизни весьма спокойный и хладнокровный, создал себе среди сокамерников репутацию бешеного, готового убить любого, не задумываясь о последствиях. Это, пожалуй, лучшая позиция для одиночки, за которым не стоит группировка, готовая его защищать (а Хуана посадили отдельно от подельников) - но тут очень важно правильно сыграть эту роль. Нельзя перегнуть палку - явного психа, готового кидаться на других вообще без повода, прикончат во сне просто из чувства самосохранения - но и ни в коем случае нельзя быть недостаточно убедительным, ибо нет в тюрьме ничего хуже, чем если о тебе дознаются, что ты претендовал считаться тем, кем не являешься. У Хуана, хотя это была его первая ходка, все получилось, как надо - к нему относились, как к отморожку, но не беспредельщику. То есть который уважает понятия, но которого лучше не злить.

Но и с такой репутацией он не стал спиной к спине с Бульдозером отбиваться от своих сокамерников. Такие истории встречаются только в глупых фильмах, снятых людьми, все свое знание о тюрьмах почерпнувшими из других глупых фильмов. Против целой камеры не отобьется ни отморожок, ни Бульдозер, ни Терминатор. Вместо этого Хуан, не дожидаясь ночи (которая, вероятно, стала бы для Бульдозера последней), во время обеда сам пырнул его заточкой, подтверждая свою репутацию отморозка. Типа как не сумел сдержать праведный гнев. Истекающего кровью Бульдозера отправили в лазарет, а Хуана - в карцер. О происшествии доложили - не могли не доложить - начальнику тюрьмы. А у того ума оказалось явно больше, чем у его возомнившего себя богом вертухая (на что Хуан и рассчитывал), и он сообразил, что перевод Бульдозера во вражескую камеру был не по понятиям и его убийство там могло спровоцировать тюремный бунт. А потому дал своему вертухаю по шапке, и после лазарета Бульдозер вернулся в свою прежнюю, безопасную для него камеру.

Самое главное - Хуан, прежде чем ударить, успел шепнуть Бульдозеру: "Не волнуйся, я тебя спасаю! Притворись, что сильно ранен, и уйдешь на больничку, иначе тебя кончат!" Но, хотя рана оказалась просто царапиной - Хуан знал, как бить, чтобы крови было много, а реальной опасности никакой - помимо карцера за это нападение ему могли намотать и новый срок. Но начальник тюрьмы, получив от Бульдозера заявление, что тот "претензий не имеет", предпочел спустить дело на тормозах. Простая драка между заключенными и не более чем.

Хуан вышел из карцера на две недели позже, чем Бульдозер из лазарета, оставшись при этом чистым перед своими сокамерниками, которые малость попеняли ему за несдержанность, но сказали, что от такого, как он, другого и не ждали. Потом, конечно, были еще сложности с тем, чтобы дружески общаться с Бульдозером; вообще в тюрьме немало мест, где могут встречаться заключенные их разных камер - столовая, спортзал, прогулочный дворик, мастерские, даже (новомодное веяние) учебные классы и студия самодеятельности - но при этом желательно было не попадаться на глаза тем, кого такая дружба бы, мягко говоря, удивила - но Хуану удалось эти проблемы решить, в том числе и благодаря выходу на свободу кое-кого из тех, кто был в курсе истории с заточкой. В общем, в конечном итоге Хуану удалось не только полностью расположить Бульдозера к себе, но и настроить его против бывшего работодателя. У Бульдозера вполне хватило ума понять, что Хуан ради него лишился возможности выйти по УДО и вообще рисковал новым сроком (что на Бульдозера, ради которого за всю его жизнь никто и никогда не шел и на куда меньшие жертвы, произвело неизгладимое впечатление), а вот

Альварес палец о палец не ударил, чтобы вытащить его из тюрьмы. Так что Хуану удалось получить от Бульдозера весьма ценные сведения.

В трущобах Тихуаны никого не удивишь плохими парнями, но Альварес считался монстром и полным отморозком даже по здешним меркам. Вырезать всю семью человека, вызвавшего его недовольство, было для него все равно что заказать себе кофе в кафе. И все же даже у этого чудовища было свое слабое место, или, если кому-то угодна такая формулировка, своя человеческая черта - привязанность к его маленькому сыну Пабло. Этот мальчик вообще не должен был появиться на свет. Первым ребенком Альвареса должна была стать девочка, но он хотел сына и, как только узнал пол будущего ребенка, потребовал сделать аборт. Само собой, на 18 неделе беременности аборт запрещен (а в то время они даже и на более ранних сроках еще были запрещены по всей Мексике, кроме столицы) - но для Альвареса это, разумеется, не было препятствием. Операция, судя по всему, прошла не очень хорошо. Ибо далее последовали три выкидыша и один мертворожденный. Но Альварес был не из тех, кто согласится терпеть чье бы то ни было неповиновение - будь то человек или природа. Так что с шестого раза он все же добился своего. Ценою смерти своей жены. Но мальчик, хотя и недоношенный - он появился на свет шестимесячным - выжил. Очень не завидую врачам, которые его выхаживали, понимая, что их собственные жизни висят на том же волоске, что и жизнь их пациента - но то ли их страх, то ли деньги Альвареса все же обеспечили желаемый результат. Правда, злые языки говорили (шёпотом), что у мальчика все равно куча проблем со здоровьем, как это обычно и бывает у недоносков, включая легкую степень задержки умственного развития. Но Альварес все равно чрезвычайно ценил столь дорого доставшегося ему сына и все еще лелеял надежду со временем таки сделать из него своего наследника. Не берусь сказать "любил" - любят того, с кем хотят проводить как можно больше времени - но именно что ценил, как ценят дорогую вещь, которую держат запертой в сейфе.

Насчет сейфа - это, в общем, практически и не метафора. Заботясь о безопасности Паблито, Альварес старался особо не выпускать его из дома. И врачи, и учителя навещали мальчика на дому. Но было одно исключение - Паблито любил "кататься на лодочке", и поскольку врачи подтверждали, что это полезно для его здоровья - причем как физического, так и психического, которому требуются новые впечатления - отец периодически устраивал ему океанские прогулки на личной яхте. Сам Альварес в этих прогулках не участвовал - когда он самолично выходил на яхте в море, то обыкновенно развлекался там со шлюхами, и ребенок только путался бы у него под ногами. Так что мальчика отвозила в порт и привозила обратно охрана. И вот одним из охранников, которым периодически поручалась эта задача, как раз и был Бульдозер.

Бульдозер должен был выйти через 8 дней после Хуана, а еще через две недели как раз был день рождения Паблито с неизменной морской прогулкой. По словам Хуана, похитить Паблито было бы легче легкого, ибо все меры безопасности - бронированный "линкольн" с армированными шинами, выдерживающий даже пулеметную очередь, экипаж яхты, вооруженный до зубов - были рассчитаны на угрозу извне, а не на предательство изнутри. Наверное, потому, что всем было очевидно - всякий, кто предаст Альвареса, и уж тем более предаст ТАК, не только сам умрет смертью, потрясающей всякое воображение, но и обречет на ту же участь всех своих близких.

У Бульдозера в целом свете не было никого. И с воображением у него было не очень.

Хуан пообещал ему полмиллиона долларов и взять с собой в Штаты - что, как мы помним, было бульдозеровой мечтой с детства. А еще Бульдозер видел в Хуане друга, какого у него никогда в жизни не было. И он согласился.

- Большинство похитителей сыплются либо при передаче выкупа, либо при освобождении заложников, - мрачно заметила я. - Собственно, поэтому большинство предпочитает их не освобождать.

- Так дела обстояли раньше, - отмахнулся Хуан. - Сейчас не нужно выдумывать никакие хитрые схемы с непомеченными купюрами, выбрасываемыми из окна машины. Достаточно одной транзакции в биткоинах. Знание номера кошелька никак не поможет установить его владельца.

- А мальчик?

- Поиграет пару дней на ноутбуке, обедаясь пирожными. Он даже и не поймет, что случилось. Будет думать, что это такая игра, сюрприз на день рождения.

- Сколько ему лет?

- Перед тем, как Бульдозер сел, было семь, значит, сейчас исполнится девять.

- В таком возрасте ребенок уже способен понять, запомнить и рассказать о-очень много.

- Не суди по себе, - улыбнулся Хуан. - Не забывай, он в свои девять не сильно умнее шестилетнего.

- Даже и шестилетний может рассказать довольно много.

- В лицо он не увидит никого, кроме Бульдозера. А он сразу же уедет из Тихуаны и заляжет на дно, пока мы делаем визы. Потом мы его вытащим.

- Вообще-то это самое слабое звено плана. Он, как я понимаю, довольно приметный амбал, и при этом не больно-то умен. А если он попадется, и они доберутся до него раньше нас?

- Ты что же, - возмутился Хуан, - предлагаешь его грохнуть, как только он сделает свое дело?

- Вообще-то это было бы самым разумным.

- Но, Анхелина! Это было бы... подло! - да, Хуан употреблял и такие книжные слова, когда другой на его месте сказал бы "западло" или "не по понятиям".

- Я сказала "самым разумным", а не "самым благородным", - пожалала плечами я. - Заметь - весь этот план с похищением твоя идея. Я лишь указываю его слабые места. А в целом я сразу сказала, что я против.

- Парень и так рискует всем ради нас.

- Ради пятисот тысяч долларов. Как и ты рисковал своим освобождением не ради него.

- Я, конечно, спасал его не ради дружбы, а ради именно такого плана, - согласился Хуан, - но все равно, я не могу так его подставить.

- Тогда откажись от операции.

- Нет, - покачал головой он. - Не говоря о том, что это наш шанс, которого мы столько ждали... теперь уже поздно. Бульдозер знает про план. И если он поймет, что его пол-лимона пролетают мимо кассы, он решит, что его кинули, и может все рассказать боссу, чтобы выслужиться и получить хоть что-то. Ведь пока что он перед Альваресом ни в чем не виновен. Он может сказать, что специально поддакивал мне, чтобы выведать план похитителей.

- То есть он нас подставить может, а ты его нет.

- Посмотрим, - пробурчал Хуан. - Как пойдет.

Пошло в итоге не очень.

То есть собственно Бульдозер виноват в этом не был. Просто, когда он вышел, Альварес не стал брать его на прежнее место. Бульдозер был настолько уверен, что вернется обратно, что заразил этой уверенностью и куда более умного Хуана - тот просто принял это как данность. А этого не произошло.

Не могу точно сказать, почему. Во всяком случае, не из-за того, что Альварес что-то заподозрил - что-то реальное и конкретное, я имею в виду. В этом случае Бульдозер, несомненно, не только сам не остался бы в живых, но и перед смертью рассказал бы все о Хуане во всех подробностях. Возможно, Альварес просто решил перестраховаться, допуская, что в тюрьме Бульдозера все же могли вербануть - скорее даже не другая банда, а перцы. Мочить или пытаться своих людей на основании ничем не подкрепленного "а вдруг?" - это чересчур даже для такого отморозка, как Альварес, так недолго вообще остаться без бойцов. Поэтому, конечно,

боевиком картеля Бульдозер остался, но уже без работы лично с боссом. Или же Альвареса попросту полностью устраивал тот охранник, что заступил на место Бульдозера, и он не видел смысла что-то опять менять. Наконец, не будем забывать, что, хотя все заинтересованные в Тихуане знали, кто такой Альварес, формально он числился законопослушным гражданином - а стало быть, нежелание снова брать на работу только что отсидевшего за незаконное оружие уголовного могло объясняться и заботой об этой части имиджа.

Признаюсь, я вздохнула с облегчением. Мне идея переходить дорогу Альваресу не нравилась ни секунды. Но Хуан не для того почти два года в тюрьме готовился к этой операции, пожертвовав досрочным освобождением, чтобы теперь от всего отказаться. И он объявил, что план меняется, но не отменяется.

Со слов Бульдозера, бронированный лимузин доставлял мальчика прямо на причал, но не оставался там все время до возвращения яхты. Внутри было два человека - охранник и водитель (который, разумеется, тоже был вооружен и прекрасно умел стрелять). Когда-то Альварес посылал с сыном троих, но мальчику не нравилось сидеть между двумя здоровенными дядьками, а не возле окошка, и Альварес пришел к выводу, что хватит и одного охранника на заднем сиденье. Это было, в принципе, разумно - в случае нападения и блокирования проезда задачей охраны было не вступать в перестрелку, а запереться внутри и вызвать подкрепление. Пробить броневик снаружи можно было разве что базукой - а от такого не защитило бы никакое количество охранников в салоне.

Так вот, морская прогулка обычно продолжалась часа три, и сучающие в машине охранники за это время успевали проголодаться. Поэтому они отъезжали подкрепиться в небольшую припортовую забегаловку, всегда одну и ту же, находившуюся буквально за углом, Бульдозер говорил, что там делают отличные буррито. Но окошка для обслуживания клиентов прямо в автомобиле там не было, а водителю было запрещено покидать машину на всем протяжении его миссии - он даже справлять нужду должен был в бутылочку. Чтобы никакой враг не подобрался незамеченным и не прицепил, к примеру, мину под днище (установленные в машине камеры давали шоферу полный обзор сзади и с боков). Машина при этом должна оставаться запертой все время, кроме непосредственно моментов посадки и высадки пассажиров. Второй охранник пользовался большей свободой. Поэтому броневик останавливался на парковке прямо под окнами заведения, охранник с заднего сиденья шел и брал буррито и кофе на двоих (честно за них платя, как обычный клиент, и даже периодически оставляя чаевые) - все это время водитель видел его через окна, если только охранник не заходил в туалет - и возвращался в машину, где оба и перекусывали, а потом ехали обратно на причал. Этот порядок был неизменен все те годы, что Паблито возили кататься на лодочке - и при Бульдозере, и при его сменщиках - и, очевидно, и в этот раз следовало ожидать точно того же.

- Так вот, - объяснял свой замысел Хуан, - в этот раз они получают особый кофе. Который вырубит их через несколько секунд. Поскольку стекла машины тонированные, снаружи никто ничего не заметит.

- А дальше? Как ты проникнешь в броневик, запертый изнутри?

- Никак, - улыбнулся Хуан. - Он так и останется стоять там. С причала его не увидят, я проверял. А мы подгоним на причал точно такую же машину. С тем же самым номером, который изготовит Рамирес.

- Где ты собираешься достать бронированный "линкольн", который наверняка делался по индивидуальному заказу и стоит не меньше миллиона долларов?

- Ну, не точно такой же, конечно, - признал Хуан. - Базовую модель, без брони и прочих наворотов. Но со стороны выглядеть будет так же - тем паче для тех, кто не ожидает увидеть ничего другого.

- Все равно, такой лимузин не так-то просто угнать. И шухер, который поднимут перцы, когда начнут его искать, нам тоже ни к чему.

- Зачем угонять? Просто возьмем напрокат. В Тихуане есть не только трущобы, если ты не в курсе, - улыбнулся он. - Но и конторы по прокату лимузинов. Я уже нашел две, где есть соответствующая модель.

- По каким документам? Сейчас, со всеми этими голограммами и чипами, нормальную липу уже не изобразишь...

- По настоящим документам добропорядочного гринго. Ну, или не очень добропорядочного. Ты, вообще-то, очень правильно сделала, что создала свою сеть из проституток. Признаю - был молод и глуп, когда недооценивал их возможности. Вот пусть какая-нибудь подцепит американского туриста, ищущего экзотики. И он найдет несколько больше, чем рассчитывал. Никаких убийств, - добавил он. - Просто несколько дней, до конца операции, наш гость проведет в наркотическом раю. А когда очнется где-нибудь на городской свалке, уже сам не сможет вспомнить, где и что с ним было. Ну, может, еще с фотографиями в кармане, намекающими, что в полицию идти не стоит.

- Все равно, мы подставим девку. До нее могут добраться, когда начнут копать. И размотать всю цепочку.

- К этому времени ее уже не будет в городе, а то и в стране. Дадим ей, скажем, двадцать пять штук, и пусть откроет свой цветочный магазинчик где-нибудь в Гватемале.

- А Рамирес - автосервис в Ондурасе⁴? - усмехнулась я.

- Почему бы и нет, - спокойно ответил Хуан.

- Этак нам никакого выкупа не хватит, если придется эвакуировать всю банду.

- Только тех, кто будет хоть как-то задействован в операции. А их число будет минимальным.

- Хорошо, приехал ты на причал. Думаешь, тебе просто посадят мальчишку в машину, не поинтересовавшись, кто ты такой и где охранники?

- Так ведь на заднем сиденье будет Бульдозер, которого экипаж яхты прекрасно знает. Скажет, что подменяет того парня, который был перед этим. У которого, допустим, прихватило живот - звучит комически, но на самом деле ситуация вполне реалистичная. А меня на водительском месте они снаружи и не разглядят. Тонированные стекла, да еще перегородка в салоне, это ж лимузин.

- Не могу сказать, что мне такой сценарий кажется надежным...

- Анхелина, люди видят только то, что ожидают увидеть. Они не ждут неожиданностей от Бульдозера. Они просто тупые громилы.

- Ну, в принципе, да, - согласилась я. - Мне удавалось разделяться с мужиками втрое сильнее меня только потому, что они этого не ожидали. Хотя вряд ли Бульдозер вызовет у них желание трахаться... Теперь насчет отравления кофе...

- Не отравления, - перебил Хуан. - Я не хочу никаких убийств. Помимо всего прочего, они привлекают полицию. Просто ударная доза наркоты, приводящая к потере сознания.

- Смертельная доза была бы гуманнее, - усмехнулась я. - Альварес с них потом шкуру спустит. Причем в самом буквальном смысле.

- Это будут уже не наши проблемы. Они знают, на кого работают, и они, в любом случае, не святые. Как, впрочем, и мы.

- В трущобах Тихуаны вообще трудно найти святых, - кивнула я.

- Хотя ангелы иногда попадаются, - улыбнулся он.

- Подожди, я серьезно. Кто подмешает им наркоту? Порт - это не наш район.

- И очень хорошо, что не наш. Но это все же не помешает продавцу той забегаловки позвонить своему боссу и сказать, что он приболел, и его сегодня подменит племянник. Обычное дело.

⁴ Honduras читается "Ондурас".

- Племянница.

- То есть, ты хочешь сама...?

- Хочешь, чтобы дело было сделано хорошо - делай его сам. И ты сам сказал, чем меньше наших будет задействовано, тем лучше.

- Но, хотя порт и далеко от нашего района, они будут потом искать по всей Тихуане. А Анхелину знают довольно многие. В том числе и в лицо.

Что да, то да. Я даже гордилась тем, что известна под своим именем, а не под кликухой. Типа есть много разных анхелин - а есть Та Самая Анхелина, и все понимают без уточнений, о ком речь. Ну, не все в городе, конечно, но все на районе точно.

Но вот теперь мне это было совсем не на руку.

- Ты просто не представляешь, как женщина может изменить свою внешность с помощью парика и косметики, - тем не менее, ответила я. - Все, кого я буду обслуживать в тот день, запомнят курчавую мулатку. Никому и в голову не придет, что искать надо белую. Плюс туфли, увеличивающие рост, и бюстгальтер, увеличивающий грудь - мужики тогда начинают пялиться только туда и вообще забывают про лицо...

- Да, все это замечательно, но ведь по всей забегаловке и, главное, на тех самых стаканчиках из-под кофе останутся твои отпечатки. Сейчас же уже не разгар ковида - в перчатках и масках никто не работает. А твои пальчики есть в полицейской базе.

Я понимала, что Хуана беспокоит вовсе не полицейское расследование. Если бы перцы получили возможность сунуть нос в броневики - тот, который настоявший - раньше ребят из картеля, то вряд ли стали бы особо заморачиваться. Просто сделали бы вывод, что парни сами решили ширнуться, скрашивая скуку ожидания, и не рассчитали с дозой или с качеством товара - на чем и закрыли бы дело. Но Альварес никогда бы не доверил сына тем, кто ширяется сам - у серьезных парней из картелей вообще правило "держаться подальше от собственного товара". Он, конечно, мог в гневе и не поверить проштрафившимся охранникам, решив, что они несут чушь, чтобы выгородить себя - но скорее все же поверил бы, что их и впрямь подставили (что, впрочем, все равно бы их не спасло). И перевернул бы небо и землю, чтобы узнать, кто за этим стоит. А получить доступ к полицейской базе... насколько продажны перцы, объяснять никому не надо.

Была, правда, вероятность, что охранник и водила, очнувшись раньше, чем до них доберутся товарищи, сообразят, что Альварес никакие оправдания не примет, и успеют сами свалить из города вместе со всеми вещдоками и показаниями, спасая собственные жизни. Но на это лучше было не закладываться.

- Золотое, кстати, было время для криминала этот самый ковид, - заметила я. - Ну ничего, обойдемся без перчаток. Подушечки пальцев намазываются суперклеем, он мгновенно застывает, и эта пленка продержится целый день, а то и два. Ощущение не особо приятное, но ради дела вполне можно потерпеть. И никаких отпечатков, во всяком случае, различимых.

В принципе, в нашей банде было несколько совсем мелких пацанов, у которых никогда не снимали пальчики. Но доверять столь ответственное дело одному из них было слишком рискованно. Вплоть до того, что поставить за прилавок такого мелкого мог не согласиться даже и сам хозяин забегаловки. А главное - это все равно не давало гарантии, что пацана не найдут, а значит, его тоже пришлось бы эвакуировать, причем вместе с его матерью, сестрами и братьями (а у каждого из этих мальчишек кто-нибудь да был). Так что проще и надежнее было подмешивать наркоту в кофе именно мне, раз уж я в любом случае не собиралась оставаться в Тихуане.

- Ну, пожалуй, ты права, - согласился Хуан.

- Кстати, а что будет с моим "дядей"? Тоже получит деньги и уедет из города?

- Конечно. Достоинство картеля "Тихуана" в том, что за пределами города его возможности сильно ограничены... И, разумеется, никто из выполняющих вспомогательные

задачи не будет иметь понятия, в чем участвует. Правду будем знать только я, ты и Бульдозер.

- А кто будет присматривать за мальчиком?

- Мы же и присмотрим. В карнавальных костюмах с масками и общаясь жестами в его присутствии. Он будет думать, что это такая игра.

Мне все равно не нравилась эта затея. Киднэппинг в Тихуане - дело почти столь же обычное, как изнасилование, но трогать Альвареса... Но я не могла отговорить Хуана и не могла предложить лучший план. Так что мне оставалось только идти с Хуаном до конца.

И все подготовительные этапы его плана реализовались удачно. Удалось и вовремя подцепить американского туриста с подходящей внешностью, так что Хуана было не особо сложно загримировать под фото на документах, и черный "линкольн" нужной модели оказался свободен, и так далее. В "день Д" я, опять-таки без проблем и чьих-либо возражений, вышла на работу в портовую забегаловку. "Здрасьте, я Луиза, мой дядя вам звонил... - Да, да, становись скорей за прилавок, мы открываемся через три минуты! У тебя будет 15-минутный перерыв в середине дня, и еще три раза может сбегать в туалет не больше чем на пять минут, иначе вычту из зарплаты! И не вздумай там курить - от девушки должно пахнуть только духами!" "Да я вообще не курю!" (что, кстати, чистая правда - ненавидела еще запах материнских сигарет) "Ну так за работу, я плачу не за болтовню!"

Ну тут он, то бишь владелец заведения, погорячился. Поболтать с клиентом - это тоже часть такой работы. Разумеется, когда на это есть время, а не когда клиент прет сплошным потоком. Но и в час пик надо улыбнуться каждому.

Любезничая с покупателями, я, разумеется, то и дело поглядывала в окно, ожидая, когда появится черный "линкольн". Мы полагали, что это произойдет вскоре после полудня, но ни в час, ни в два лимузина все не было. Я боялась отлучиться с туалет, в чем, по правде говоря, нуждалась, чтобы не пропустить его появление. Может, Альварес отменил морскую прогулку? Погода, во всяком случае, стояла прекрасная, так что дело было явно не в ней. Но, возможно, ребенок заболел? Или отец решил устроить ему сюрприз, скажем, покатать не на корабле, а на самолете? Или же... Но нет, если бы наш замысел раскрылся - а сдать нас, очевидно, мог только Бульдозер - я бы в эту минуту не стояла и не размышляла об этом, все еще живая и здоровая.

Наконец в 23 минуты третьего броневик вкатился на парковку. Свободных мест в ближнем ряду перед окнами не было, и броневик встал прямо под знак "Стоянка запрещена" - аккуратно перед закрытым гофрированным железным занавесом проемом, где, очевидно, разгружались машины, доставлявшие в заведение продукты. С точки зрения бандитов Альвареса, это даже не было особенно демонстративным хамством - ведь они не собирались задерживаться там надолго, всего на пять-десять минут, а продукты вряд ли доставляют в это время. Но я-то знала, что они останутся там на куда больший срок, и это может создать проблемы. Допустим, грузовичка с продуктами и впрямь не будет до завтрашнего утра - но что, если на парковку забредет какой-нибудь исполнительный перец? Сквозь тонированные стекла он, конечно, не различит два бессознательных тела внутри и, скорее всего, решит, что машина пуста. Хорошо, если он просто сунет штрафную квитанцию под "дворник" - а если вызовет эвакуатор? Хотя, скорее всего, ни один рядовой перец не решится беспокоить владельца столь представительной машины - но мало ли... Среди них тоже попадаются принципиальные.

Так что же делать? Отменять всю операцию? Хуан не оставил инструкций на такой случай - очевидно, просто не подумал об этом, как и я сама. А звонить ему было уже поздно - охранник, здоровенный шкаф в черном костюме, под которым наверняка скрывался бронезилет (как ему должно быть жарко в такое пекло! Впрочем, в машине кондиционер...) уже входил в кафе.

- Добрый день, сеньор, - я адресовала ему самую обольстительную из своих улыбок и одновременно еще больше выпятила грудь. - Жарковато сегодня, не правда ли?

Как я и ожидала, его взгляд лишь скользнул по моему лицу и уперся в вырез блузки. Все-

таки не понимаю я мужиков. Казалось бы, любая шлюха Тихуаны с любым цветом кожи доступна ему по шелчку пальцев. Неужели в этом зрелище все еще может быть что-то для него интересное?

- Ты и сама горячая штучка, - попытался сдохнуть он. - Не видел тебя раньше. Давно тут работаешь?

- Вообще-то я тут не постоянно, подменяю дядю, он приболел.

- Дядю? - в его заскорузлых мозгах, видимо, ворочалась мысль, может ли быть у знакомого ему белого продавца племянница-мулатка, потом он сообразил, что в этом нет ничего необычного. - Не обижает он тебя?

- Кто, дядя Рамон? Нет, конечно, с чего это вдруг?

- Ну смотри. Если кто тебя обидит, ты мне только скажи, - ухмыльнулся он. - Тут, знаешь, такой район... одной вообще опасно, если некому заступиться...

- Вы очень добры, сеньор. Так что будете брать?

- Да, - сообразил он. - Поболтал бы с тобой еще, но мой напарник будет злиться. Два кофе и четыре буррито с телятиной и чили, поострее. Упакуй мне с собой.

Я упаковала буррито в фирменный пакет. Шкаф вытащил бумажник и сперва расплатился по прейскуранту, не мелочась по поводу сдачи, а потом вытянул еще одну сотенную купюру⁵ и, свернув ее трубочкой, засунул мне в вырез прямо между грудями:

- Это тебе на чай, крошка, - ухмыльнулся он так, словно сделал мне подарок на тысячу баксов.

- Спасибо, сеньор! ("Чтоб ты сдох, животное! Впрочем, уже скоро.")

Он повесил пакет на свое широкое волосатое запястье, а картонные стаканчики с кофе взял в руки.

- Сеньор! - окликнула я его, когда он уже развернулся к двери. - Можно вас попросить об одном маленьком одолжении?

- Что угодно, крошка, - он вновь ослабил. Да уж, а то я только что не видела его щедрость.

- Это ведь ваша такая шикарная тачка? Вы не могли бы переставить ее в задний ряд?

Видите ли, к нам с минуты на минуту должна приехать доставка...

- Да мы по-любому скоро уедем.

- Да-да, я понимаю, но не могли бы вы отъехать на пятнадцать метров назад прямо сейчас? Видите ли, сегодня много клиентов, не хотелось бы заставлять их ждать... - к прилавку и впрямь уже направлялся какой-то парень со своей девицей.

- Ладно, ладно, - буркнул шкаф, открывая дверь ногой.

И тут меня охватил запоздалый испуг. А что, если своей просьбой я все испортила?! Если они не просто отъедут на пятнадцать метров, а поедут сразу обратно на причал и перекусят уже там? Это же рядом, кофе даже не успеет остыть...

Но тут же я сообразила, что вряд ли. Остыть-то оно не успеет, а расплескаться - запросто. Какие бы идеальные рессоры ни были у лимузина, им переезжать через "лежачего полицейского", да и вообще, асфальт тут не в лучшем состоянии. Нет, они выпьют кофе тут.

И действительно, шкаф наклонился к окну машины, но не сел внутрь. Машина отъехала задом на дальний край парковки, а шкаф проделал тот же путь пешком и лишь затем забрался на заднее сиденье.

Я ждала, продолжая механически обслуживать клиентов (и в результате одному сыпанула сахар мимо стакана, а другому подала не тот соус, вызвав его неудовольствие: "Да ты что, спишь, девочка?! - Ой, извините, пожалуйста! Правда не выпалась сегодня..." - "Выдалась бурная ночь, да? Гы-гы, понимаю!") Лимузин не двигался с места. Пять минут... Десять...

⁵ Примерно \$5.

Пятнадцать...

Наконец, не в силах больше терпеть - но и убедившись, что в этом уже нет необходимости - я побежала в туалет, чтобы не только использовать его по прямому назначению, но и отзвониться Хуану, что план сработал.

Теперь оставалось только ждать звонка уже от него - продолжая тем временем обслуживать клиентов, чтобы не вызывать подозрений. Ближе к вечеру они повалили сплошным потоком, а я все еще даже не использовала свой пятнадцатиминутный перерыв (и хозяин явно не был бы в восторге, если бы я сделала это сейчас - "раньше надо было думать!"). Так что ноги у меня отчаянно ныли от многочасового стояния на каблуках, а лицо - от постоянных улыбок (вообще для меня не очень характерных). Всем ханжам, говорящим, что, мол, даже если ты родилась в трущобах, всегда можно найти честный заработок, к примеру, устроившись в какое-нибудь кафе, следовало бы хотя бы на денек последовать собственному совету. И это еще меня от клиентов отделял прилавок, то есть никто не пытался шлепнуть меня по задку или ущипнуть за грудь, как это бывает с официантками, разносящими блюда.

Но вот, наконец, в кармане у меня завибрировал телефон. Я поставила на прилавок табличку "Извините, вернусь через 5 минут!" и поспешила в туалет.

- Только что причалили, - сообщил Хуан. - Ага, уже идут сюда...

До моего слуха донеслось бурчание Бульдозера, Хуан переспросил его.

- Что-то не так? - встревожилась я.

- Бульдозер говорит, что прежде не видел этих парней. Видимо, пока он сидел, Альварес поменял экипаж на яхте.

- То есть они тоже его не знают? Черт, парни, рвите когти!

- Спокойно. Мальчик с ними. Они ничего не подозревают, раз взяли его с собой. А он-то знает Бульдозера.

Я услышала стук, видимо, в дверцу машины. Потом приглушенный расстоянием голос Бульдозера: "Привет, парни! Как поплавали?"

- Ты кто такой? - донесся неприветливый голос ему в ответ.

- Как кто? Бульдозер я.

- А где Бегемот?

- Попросил его подменить. Прикиньте, переел буррито, и у него так скрутило живот, что он сейчас только свое очко охранять может. Вот же придурок, а? От телки меня вытащил. Ну, пришлось все бросить и ехать ему на выручку, кореш все-таки...

- Почему он мне не отзвонился?

- Застремался, небось. Что его теперь из Бегемота в Засранца переименоуют. Он и меня просил какую другую причину придумать, ну я не сочинитель, говорю, как есть...

Может, сочинять он и вправду не умел, но роль, написанную для него Хуаном, играл вполне убедительно. Тем не менее, тип с яхты не проникся.

- Я звоню боссу, - сказал он.

- Не-не-не, не надо боссу! Босс же за такое с Бегемота шкуру спустит!

В ответ его собеседник что-то пробурчал, что я не расслышала, но, скорее всего, это была фраза "Лучше с Бегемота, чем с меня". Бульдозер решил срочно перехватить инициативу:

- Паблито, привет! Как покатался? Ну чего молчишь, ты что, не узнаешь дядю Педро?

- Не-а! - ответил звонкий мальчишеский голос. - Я тебя не знаю!

И тут же раздались хлопки, будто разом несколько человек торопливо откупоривали винные бутылки.

Выстрелы из пистолетов с глушителем.

Я не знаю, почему маленький гаденыш так ответил. Может, и впрямь оказался настолько тупым, что не узнал Бульдозера через два года. Или решил навредничать. Или просто подумал, что это будет смешная шутка или игра.

Но те, кто стояли рядом с пушками, шуток не понимали. У них не было дипломов долбаного детского психолога. У них была другая работа.

Я услышала короткий вскрик, звук взревевшего мотора, визг шин, а затем приглушенный стук - видимо, телефон, который держал Хуан, упал на мягкое покрытие пола машины. Я не разобрала, кто кричал - я лишь понимала, что, раз было кому газануть с места, значит, Хуан все еще жив. Но я слышала все новые металлические удары, а также звуки осыпающегося стекла - это пули настигали мчавшуюся прочь машину и пробивали ее корпус. Ведь этот лимузин, в отличие от оригинала, не был бронированным. Может, потому они и палили так охотно - с первого же выстрела убедившись, что машина не та. А затем я услышала крик Хуана - донесшийся издали, он явно не имел возможности подобрать упавший телефон - "Анхелина, БЕГИ!!!"

Этот крик вывел меня из ступора. Я вскочила - до этого я просто сидела в туалетной кабинке на унитазе, вцепившись обеими руками в телефон - и выскользнула в коридор, а оттуда наружу через служебный выход в задней части здания. Бросив быстрый взгляд на экран телефона, я поняла, что связь не разорвалась - очевидно, у Хуана не было возможности это сделать - но я больше ничего не слышала, даже шума мотора (который, видимо, уже не ревел так громко, как при резком старте с места, а ворс на полу приглушал все звуки). Так что я сама отключила и обесточила телефон - теперь через него меня можно было выследить. По-хорошему, следовало вообще выбросить его в ближайший канал, но я не смогла заставить себя это сделать. Если Хуан еще жив, как он сможет связаться со мной?

Пробираясь на чертовых каблуках по узкому проходу между задними стенами каких-то построек, куда не выходило ни одного окна - одни только гудящие и капающие кондиционеры - я услышала далекие, но приближающиеся звуки полицейской сирены. Ну конечно, с глушителем или нет, а стрельба среди бела дня на причале, где швартуются вполне респектабельные яхты, не могла остаться незамеченной... но меня начнут искать еще нескоро. Перцы так, возможно, и вовсе никогда - если не получают возможности сунуть нос в припаркованный броневик с бесчувственными боевиками внутри (а картель, вполне вероятно, не захочет впутывать их в это дело).

Но не перцы теперь моя главная проблема.

Я благополучно выбралась с территории порта и села в первый попавшийся автобус. Мне нужно было побыстрее оказаться как можно дальше от места событий. Минут через двадцать я сошла на довольно стремно выглядящей остановке где-то на южной окраине, вдали и от порта, и от моего района. Наискосок от остановки был полуразвалившийся дом; обрушившаяся крыша указывала, что он непригоден в качестве пристанища даже для уличных бродяг - и, конечно же, оттуда давным-давно вынесено все, что имело смысл выносить - а стало быть, я не рискую ни на кого нарваться внутри. Обойдя дом сбоку, со стороны узкого и абсолютно пустого переулочка, я забралась внутрь через окно и снова вставила аккумулятор в телефон.

"У вас одно новое голосовое сообщение."

"Надеюсь, ты еще... не выбросила мобильный, - голос Хуана звучал хрипло, с каким-то присвистом. - Бульдозер мертв, а в меня... тоже попали. Машина вся в дырках, но еще на ходу, хотя в ней воняет бензином. Но... далеко мне на ней по-любому не уехать. Не дальше первого полицейского поста. У перцев челюсти отпадут, когда они увидят, в каком она виде... Так что... не жди меня. Уноси ноги... из этой долбаной страны. Я сделаю все, чтобы их задержать, но... сама понимаешь... - некоторое время в трубке слышалось только его тяжелое дыхание, потом: - Прости меня. Я дурак. Надо мне было тебя слушать. Ты была моим ангелом, а я... Пусть хоть у тебя что-то получится."

"Нажмите 4, чтобы прослушать сообщение еще раз, 7, чтобы удалить..."

7.

Контакты - удалить. Очистить все следы, какие только можно.

Хотя Хуан, разумеется, прав - это все равно не спасет.

Я понимала, почему он даже не рассматривал возможность сдать перцам, чтобы спасти себе жизнь. За то, что мы сделали - точнее, попытались сделать - нас достали бы и в тюрьме.

Вечером в новостях сообщили о "еще двух эпизодах, связанных, по всей видимости, с войной наркокартелей" - перестрелке в порту и сгоревшем лимузине "линкольн", найденном в нескольких кварталах от места первого инцидента. "Внутри автомобиля обнаружены останки двух человек. Машина полностью выгорела, поэтому опознание их на данный момент не представляется возможным. Полиция пока не комментирует, связаны ли эти два происшествия между собой."

Хуан сделал все, что мог, чтобы максимально замести следы, но мы оба знали, что, скорее всего, это только временная отсрочка. По нашему плану лимузин не должен был попасть в руки ни "Тихуане", ни полиции. Мы собирались честно вернуть его в прокатную контору до того, как поднимется шумиха. Теперь же перцы обязаны были расследовать дело с двумя трупами, а даже по сожженной машине можно установить довольно-таки много. Они найдут прокатную контору, откуда та была взята - тем более что и оттуда подадут заявление о невозвращенном вовремя лимузине - установят владельца краденых документов и примутся его искать (тем паче что речь о гринго и ситуация чревата международным скандалом, будь он преступник или жертва), а через него могут выйти и на подцепившую его проститутку, а от нее уже на меня. В принципе, я знала, где находятся эти двое (турист все еще пребывал в наркотических грезах, от коих должен был очнуться только по окончании провалившейся операции), и у меня еще было время застрелить их обоих прежде, чем до них доберется кто-то еще. Но, во-первых, не факт, что это решило бы проблему. Перцы отследят путь гринго по биллингу его телефона (до того, как он этого телефона лишился, но тем не менее), и могут найти свидетели, как он снимал девку а точнее, она цепляла его. А во-вторых - к нему у меня не было ни малейшего сочувствия, но вот поступить так с девчонкой, которая работала на нас - пусть не бесплатно и не зная всего плана - было бы все-таки запахло. Впрочем, и предупреждать ее, что план провалился и ей нужно срочно бежать, не дожидаясь обещанных ей денег на цветочную лавку, я тоже не стала. Она могла подумать, что мы пытаемся ее кинуть, а главное - мне совсем не было нужно, чтобы в ее телефоне остались следы моего предупреждения. Перцам и без того было, что копать, а все, что наруют перцы, может быть слито "Тихуане".

Наш расчет - ну, точнее, расчет Хуана, хотя я и согласилась с ним - строился не на том, что нас в принципе не смогут вычислить, а на том, что у нас будут время и деньги, чтобы скрыться. По первоначальному плану мы должны были сначала уехать в Мехико и уже там дожидаться американских виз. Теперь это уже не имело смысла. Той заначки, что у меня оставалась, хватило бы только на то, чтобы с максимальной скоростью свалить в Штаты нелегально. Тот самый хьюман трафик, от которого я всегда держалась подальше, не желая влезать в этот слишком стремный и грязный бизнес. И вот теперь мне предстояло стать его частью не в качестве организатора, а в качестве простого клиента. Прекрасно зная, что здесь нет никаких гарантий - даже тех весьма сомнительных, что получает клиент проститутки или наркоторговца - и кинуть могут на каждом шагу.

Мне удалось раздобыть липовую ксиву, но я понимала, что на КПП на границе или в аэропорту с ней лучше не соваться - там проверяют чип, который нельзя подделать. Но в Штатах, где-нибудь в глубинке на севере, где нет той бдительности, что вблизи от мексиканской границы, я рассчитывала с помощью этой ксивы получить уже настоящее американское ID. Так что пересекать границу все равно надо было нелегально. В составе группы таких же отчаявшихся бедолаг, надеющихся на чудо Американской Мечты. Только я была не столь наивна, как большинство из них - но мне это уже ничем не могло помочь. Мне оставалось только положиться на удачу точно так же, как они - и довериться людям, которым, как я точно знала, доверять не стоит.

Нас собрали в группу их двух десятков человек и загнали в рефрижератор. Большую его часть занимали коровьи туши, и лишь в том конце, что ближе к кабине, был отгороженный стенкой закуток размером два с половиной метра в ширину (и столько же в высоту - внутренние габариты рефрижератора) и метр в глубину. Вот в этом закутке мы и должны были стоять в четыре ряда, прижатые друг к другу. В тесноте, впрочем, был свой плюс, поскольку рефрижератор работал на полную мощность, и в кузове было, наверное, -10, если не ниже - и хотя нас предупреждали, что будет холодно, у большинства не было по-настоящему теплой одежды. (Зимняя одежда - вообще не самый популярный товар в Тихуане, хотя, конечно, в принципе достать ее можно - как правило, в дорогих спортивных магазинах, торгующих шмотками для лыжников и альпинистов.) На мне самой была куртка с капюшоном на завязках, джинсы и кроссовки - наряд, подходящий для температуры около нуля, но не для мороза - а кое-кто и вовсе явился в фуфайке и сандалиях на босу ногу. Снаружи было +35, и на это, как нам сказали, и делался расчет - мол, если пограничники и заглянут в кузов, то лезть с жары в мороз и протискиваться между обледенелыми тушами точно не захотят. Так что теснота помогала согреться. Само собой, в закутке не было ничего, похожего на окна, но под потолком имелась тусклая лампочка, которая, как нам объяснили, гаснет автоматически, как только отпираются внешние двери фуры. Делалось это с двумя целями - во-первых, чтобы ни один лучик не пробился из закутка и не выдал наше убежище, а во-вторых, чтобы дать нам знать, когда кто-то заглядывает внутрь рефрижератора и надо вести себя тихо, "даже не дышать".

Какое-то время машина ехала, очевидно, по улицам Тихуаны, останавливаясь только на светофорах, а затем поползла медленно и встала уже надолго. Нас предупредили, что стояние в очереди на пограничный досмотр "займет время", и чтобы мы не напивались и не наедались перед поездкой, поскольку возможности сходить в туалет, естественно, не будет. Но все равно большинство моих спутников, похоже, верило, что это ожидание продлится минут сорок. Однако оно затянулось на много часов. И все эти часы мы должны были провести на ногах, стоя на морозе практически без возможности сменить позу.

Холод все-таки не был самой большой проблемой. Когда нас только загружали, я сказала, чтоб те, кто одет теплее, встали по периметру, а те, кто легче - в середину (кое-кому явно не понравилось, что я "раскомандовалась", но совет был очевидно разумный, и возражать никто не стал). Тепло тел и дыхания двадцати человек способно в значительной мере обогреть маленькое помещение, которое они заполняют практически целиком (не считая свободного пространства над головами), даже когда от стен идет ледяной холод. Хуже была почти полная неподвижность, а еще хуже - духота. Какая-то вентиляция в закутке, само собой, была, иначе мы бы задохнулись очень быстро - но она была явно недостаточной. То есть она была устроена в крыше, чтобы воздух выходил вверх и нас не учуяли собаки, а углекислый газ тяжелее воздуха и скапливается внизу. Поначалу духота была еще не так заметна из-за холода, создававшего обманчивое ощущение свежести, но постепенно стоять в этом железном ящике становилось все тяжелее.

Среди нас была одна женщина с ребенком - девочкой лет девяти. Поначалу тот тип, что формировал нашу группу, не хотел их брать, говоря, что с детьми вечно одни проблемы, они начинают ныть в самый неподходящий момент и могут тем самым выдать всю группу. Да и мамаша, по его словам, была слишком толстой и занимала лишнее место (хотя на пару с худенькой дочкой в среднем получался как раз нормальный объем). Но женщина божилась, что ее дочка выносливая, как кактус, и не будет канючить, что бы ни случилось - а главное, предложила уплатить двойную цену и за себя, и за девочку, и их взяли.

На самом деле эта тетка была не толстая, а беременная, но скрывала это, потому что тогда бы ее точно не взяли - и правильно бы сделали. Если бы я вовремя это поняла, я бы сама ее выдала. Но я не очень-то шарю в таких вещах, а другие женщины, что были в нашей группе, прикрыли ее из бабской солидарности, сентиментальные дуры. Пусть, мол, родит ребеночка в благословенных Штатах, где он сразу станет Американским Гражданином, не то что мы, люди

второго сорта. На самом деле до родов там было еще далеко, а вот выкидыш в этой давке никому из нас точно был не нужен, и ей самой в первую очередь. Но разве дуры думают о последствиях своей доброты?

В общем, девочка действительно не ныла и не жаловалась, хотя ей, с ее ростом, перепадало еще меньше свежего воздуха, чем взрослым. Я даже подумала, уж не немая ли она - хотя плакать умеют даже немые. А вот ее мать в какой-то момент стала сереть лицом, а затем, не издав ни звука, безвольно обвисла, зажатая боками соседей и наваливаясь животом на дочку. И вот тут у той прорезался голос:

- Моей маме плохо! Помогите ей!

- Заткнись, - буркнул ей стоявший рядом мужик лет пятидесяти пяти, дочерна загорелый, с заскорузлыми ручищами рабочего или фермера. - Ты всех нас подставишь!

Но девчонка, понятное дело, не унималась:

- Мама, мамочка! Очнись! Пожалуйста, мамочка! Ну что вы стоите, сделайте что-нибудь, она же умрет!

- Заткнись, я сказал! - угрожающе процедил работяга, зашикал и еще кто-то, в то время как один из соседей женщины пощупал пульс у нее на шее и нахмурился - и в этот момент лампочка у нас над головами погасла, погрузив нас в абсолютную тьму.

Мы все - включая и девочку - помнили, что это означает, а если бы даже и нет, сквозь перегородку донесся лязг отодвигаемых запоров. Очевидно, таможенники заглядывали в фуру.

И вот тут девчонка, понявшая, что никто из нас ее матери не поможет, завопила во весь голос (оказавшийся, кстати, на удивление пронзительным), адресуясь уже к тем, кто снаружи:

- Пом...!!! ммм...

Я не видела в темноте, что происходит, но было очевидно, что кто-то - скорее всего, работяга - зажал ей своей лапшей рот, а заодно и нос, чтобы она не могла издавать ни звука. Но было уже, разумеется, поздно. Снаружи донеслись торопливые шаги и резкие выкрики на испанском и английском.

Когда гринго, разобрав туши, вскрыли перегородку, и лучи их фонарей ударили нам в лица, рука работяги все еще накрывала лицо девочки, словно личинка Чужого из старого американского фильма. Хотя в этом уже, разумеется, не было никакого смысла - но он зажимал ей рот и нос чисто машинально. Когда они заставили его убрать руку, было уже поздно. Девчонка задохнулась. Ее мать тоже была мертва, они так и не смогли ее откачать. Плод внутри нее спасти тоже было невозможно - слишком маленький срок. Так что все оказалось напрасно - причем не только для этой семьи, но и для остальных искателей Американской Мечты.

Нас всех, разумеется, тщательно обыскали. В первую очередь они искали наркотики, но, конечно, нашли и мою ксиву. Не требовалось даже проверять чип, чтобы понять, что это липа - иначе что бы я делала в этом рефрижераторе? В общем, если за незаконное пересечение границы полагается простая депортация, то подделка документов - это уже статья, к тому же беглец с фальшивыми документами может быть скрывающимся от властей преступником с гораздо большей вероятностью, чем простой нелегал... Но гринго я была не нужна даже в качестве заключенной, поэтому меня отправили обратно со всеми прочими, отделив от нашей группы только убийцу, которого выдача в Мексику ожидала уже после суда в США. Но если всех прочих, перевезя обратно через границу, просто отпустили, то меня американские копы передали, вместе с избобличающей меня уликой, с рук на руки нашим перцам, чтобы они уже сами решали, возбуждать ли дело. Так я оказалась в камере полицейского участка в Тихуане. Поскольку я попала туда к исходу пятницы, мне предстояло пробыть в этой камере еще как минимум два дня, прежде чем судья решит, возбуждать ли дело и с какой мерой пресечения.

Был уже поздний вечер. В камерах свет погасили, но он падал снаружи через решетчатую дверь. Хотя этот день, казалось бы, вымотал меня в полный ноль, я не спала, а тупо сидела на койке, положив локти на колени и уставившись в пол. Не было ни мыслей, ни эмоций, ни даже

физиологических чувств. Вообще ничего. Пустота.

Вдруг загремели ключи, но я даже на это не обратила внимания, пока голос охранника все же не заставил меня повернуть голову.

- У тебя сегодня счастливый день, - глумливо объявил он (я практически не видела его лица - только силуэт на фоне света сзади). - Давай на выход. За тебя внесли залог.

Когда до меня дошел смысл его слов, мой ступор мигом испарился.

- Кто? - спросила я. Мне виделся только один ответ на этот вопрос - Альварес уже вычислил меня и выкупает для расправы. Я смотрела на силуэт перца и думала, стоит ли напасть на него, чтобы меня оставили за решеткой уже по новому обвинению, или меня застрелят его товарищи? Впрочем, даже пуля от перцев лучше, чем то, что сделают со мной мясники Альвареса...

- Какой-то гринго, - ответил перец на мой вопрос.

- Гринго? - удивилась я. Представить гринго в качестве члена картеля "Тихуана" довольно затруднительно. Хотя, как говорили в еще одном старом фильме, никогда не говори "никогда"... - У меня нет друзей среди гринго.

- Стало быть, один все-таки есть, - усмехнулся охранник. - Поднимайся и пошли, здесь тебе не гостиница.

- Как его имя? - настаивала я. - Вы хотя бы проверили его документы?

- Конечно, все, как полагается. Только этим не я занимался. Мое дело - только выпроводить тебя отсюда.

- Как он хотя бы выглядит? Молодой? Старый?

- Тебе в отцы годится, - вновь усмехнулся он. - Хотя, конечно, для этого он слишком добропорядочный gentleman, - последнее слово перец произнес по-английски.

Его слова, хотя и произнесенные с издевкой, навели меня на совсем безумную мысль: а что, если мой мифический американский отец, в существование которого я никогда не верила, все-таки разыскал меня и приехал за мной, в точности, как обещала моя мать? Нет, на улице +30, и сезон явно неподходящий для рождественских сказок. Но надо все же взглянуть, что это за тип.

Тип действительно оказался мужчиной лет пятидесяти с чем-то, невысоким, худощавым, с небольшими залысинами над гладко выбритым интеллигентным лицом. Совсем не похожим на лицо гангстера. Скорее уж - университетского профессора (не то чтобы я много их видела вне кино, конечно), нежно любящего свою жену и трех дочек и по выходным играющего в гольф. Или в шахматы. Или во что там положено играть добропорядочным американским джентльменам, сделавшим успешную карьеру.

С тем же успехом такой джентльмен может быть главарем мафии. Или профессиональным мошенником. Или сексуальным маньяком.

- Здравствуй, Анхелина, - сказал он. - Не волнуйся, теперь ты в безопасности. Идем, я все расскажу тебе по дороге.

По-испански он говорил лишь с небольшим акцентом, и его голос звучал мягко, успокаивающе, с интонациями столь же располагающими, как и его лицо. Но меня подобными приемчиками не купишь. Знаем мы таких добреньких.

- Я тебя впервые вижу, - отрезала я, бросая косой взгляд на перца, в коем в этот момент (кто бы мог подумать!) видела своего защитника. - Объясни сперва, кто ты такой и зачем я тебе нужна.

- Я доктор Моррингтон, - ответил он, явно задетый моим тоном, и взмахнул перед моим лицом визиткой с золотым тиснением. Там действительно фигурировала аббревиатура MD, что, как я знала, значит "доктор медицины". - И, вообще-то, это я тебе нужен. Кстати, можно бы и повежливей с человеком, который за свои деньги вытащил тебя из тюрьмы.

- Я тоже не слышала от тебя "usted"⁶, - пожала плечами я. На самом деле, ко мне за всю мою жизнь никто не обращался на "вы", и это меня ничуть не напрягает, но я терпеть не могу, когда "тыкающий" мне рассчитывает услышать "вы" в ответ.

- Давайте уже вы будете выяснять отношения на улице, - потерял терпение перец. - А мне нужна подпись сеньориты (я уже стала "сеньоритой", да), и у меня еще полно другой работы (в этом я сомневалась). Или есть какие-то проблемы? - он перевел выжидательный взгляд с меня на доктора.

- Нет-нет, офицер, - откликнулся он (перец не был даже сержантом). - Все в порядке. Деньги мною внесены, бумаги подписаны, и сеньорита Анхелина теперь свободный человек, который волен пойти со мной или куда ей вздумается. Правда, насколько я понимаю, идти ей особо некуда, и даже остаться под этим гостеприимным кровом она не может - но, в любом случае, не смею настаивать, - он коротко кивнул и повернулся к выходу.

Я не думала, что он и в самом деле уйдет - люди не бросаются своими деньгами просто так и не делают подарков незнакомцам - но решила немного ему подыграть. Пусть считает меня наивнее, чем я есть.

- Окау, окау, - я перешла на его родной язык, удобный тем, что в нем на "вы" обращаются даже к собаке, а поэтому проблема неравенства снимается хотя бы в этом вопросе. - Wait a minute, I'll just finish the checkout⁷. Ладно, начальник, - я снова вернулась к испанскому, поворачиваясь к перцу, который уже уселся за стол, - где мне тут поставить закорючку?

Он с готовностью придвинул мне "Протокол возврата личных вещей". Само собой, среди таковых не оказалось не только моей "американской" ксивы (что было логично), но и большей части имевшейся у меня при задержании наличности. От щедрот перцы оставили мне только две бумажки в 20 и 10 долларов - и, понятно, доказывать, что их было больше, было бесполезно. Ну, то такое. Я расписалась, рассовала остатки своего имущества по карманам и вышла следом за Моррингтоном.

Снаружи нас дождался автомобиль - не "линкольн", но вполне себе "мерседес". Моррингтон направился к нему, явно намеренный сесть на водительское место (стало быть, отдельного водителя не было - хорошо!), но я не двинулась с крыльца.

- Вот что, доктор или как тебя там, - сказала я по-английски (далее я говорила с ним только на этом языке, но буду везде переводить "you" как "ты", поскольку именно это каждый из нас имел в виду, что бы там ему ни хотелось услышать), - я по-прежнему не понимаю, что тебе от меня нужно, но предупреждаю - в 12 лет я дала клятву, что ни один мужчина никогда меня не поимеет. И с тех пор все, кто не отнеслись к этой клятве с должной серьезностью, очень об этом пожалели.

- Если бы мне была нужна шляха, в этом городе я бы мог купить ее гораздо дешевле, - брезгливо поморщился он.

- Вообще-то я имела в виду не только прямой смысл.

- И в переносном тоже. Не думаю, что тебе сейчас есть, что терять. Зато ты можешь многое приобрести. Очень многое. Но давай все-таки сядем в машину. Здесь слишком жарко даже после заката, а там кондиционер.

У меня было желание съязвить, что сегодня я уже провела несколько часов в машине с кондиционером таких размеров, какие ему и не снились, но я решила, что лучше перейти, наконец, к делу. Он отпер двери кнопкой на брелке, и я села справа от него, не забыв сперва бросить взгляд на задние сиденья (там никого не было).

В салоне приятно пахло дорогой кожей и каким-то ароматическим маслом. Янтарно светились огоньки приборной панели.

- Если коротко, - сказал он. - Первое: ты хочешь жить в Америке. Второе: тебе

⁶ Частица в испанском, соответствующая обращению на "вы".

⁷ Анхелина иронизирует, употребляя термин checkout, означающий выписку из отеля.

необходимо бежать из Мексики, причем так, чтобы тебя никогда не нашли... твои прежние знакомые. И третье: ты, разумеется, хочешь стать не просто американкой, а богатой американкой. Я могу обеспечить тебе все это.

- В обмен на что? - требовательно спросила я.

- В обмен на некоторую часть богатства, которое ты получишь благодаря мне.

Полагаю, это разумно и справедливо. Итак, тебе интересен дальнейший разговор?

- Если сказанное тобой правда, - пробурчала я.

- Повторяю - обманывать имеет смысл только того, у кого есть что взять. У тебя в настоящий момент нет ничего, - произнес он жестко и тут же снова перешел на свой успокаивающий тон. - Оно появится только в том случае, если я выполню свою часть сделки. Так что я призываю тебя довериться не столько даже мне, сколько простому здравому смыслу. Ты же умная девушка, Анхелина.

- Что ты обо мне знаешь? - столь же требовательно спросила я.

- Не буду притворяться, что знаю все, - улыбнулся он. - В частности, я не знаю, от кого именно ты пыталась бежать. Но то, что тебе слишком опасно оставаться в Тихуане - а возможно, и за ее пределами - очевидно. Впрочем, если я ошибаюсь - можешь прямо сейчас открыть эту дверь и уйти, - он сделал выжидательную паузу. Я не двинулась с места.

- Откровенно говоря, - удовлетворенно продолжал он, - я искал не конкретно тебя. Просто попросил кое-каких друзей в полиции скидывать мне информацию о молодых женщинах, задержанных при попытке незаконно перебраться в Америку.

- Мне не нужно "перебираться в Америку", - пробурчала я. - Я уже в Америке. Всегда поражалась, с какой наглостью вы, гринго, присвоили себе право называть свою страну именем всего континента - точнее, даже двух континентов.

- Ладно-ладно, не будем считаться национальной гордостью, - рассмеялся он. - Хотя, если вы бежите к нам, а не наоборот, значит, лучшую Америку на обоих континентах построили все-таки мы... Но, как я уже сказал, не будем считаться. Тем более что тебе пора уже отвыкать говорить "вы, гринго" и привыкать говорить "мы, американцы". Ибо я отверг уже много кандидатур, но ты, по всей видимости, подходишь идеально. Рост, комплекция, цвет глаз, даже черты лица, хотя это как раз неважно... А вот что важно, так это твой отличный английский. Это снимает главную проблему, Эмили.

- Меня зовут Анхелина.

Разумеется, он знал это, и это не была случайная оговорка. Но он ждал от меня этой реплики - и получил ее. Пусть думает, что со своим воркующим голосом, дорогой машиной и друзьями в полиции полностью контролирует гордую, но наивную девчонку, которой некуда деваться.

- Тебя звали Анхелина, - с готовностью подхватил он поданный пас. - А теперь...

Он вытащил телефон, потыкал пальцем в экран и показал мне фото улыбающейся девушки в синем свитере (очевидно, сделанное в более холодном климате, чем наш). Черты ее лица походили на мои, особенно глаза и нос, разве что линия от скул к подбородку была более округлой, губы - немного тоньше и шире, и волосы - каштановые, а не черные, если, конечно, это был их естественный цвет. Но главным отличием было выражение этого лица. Выражение изнеженной фифы, принцессы, живущей в мире, где единороги какают бабочками, а самой главной проблемой является, не повредят ли выбросы углекислого газа полярным медведям и австралийским коалам. (Хуан, кстати, объяснял мне, что всю эту чушь про "глобальное потепление" придумали только для того, чтобы пилить бабки таких вот наивных дурочек в масштабах, какие не снились всему криминалу Тихуаны - да и я сама, прожив всю жизнь в Мексике, могу подтвердить, что, хотя холодно у нас никогда не было, но и жарче за все это время ничуть не стало.) Даже улыбка этой девицы выглядела несколько смущенной и виноватой - должно быть, перед теми самыми коалами. Не думаю, что у меня хоть когда-либо было такое

выражение лица после двенадцати лет.

Да и до, на самом деле, тоже.

- Это Эмили Харбингер. Дочь и единственная наследница Реджинальда Харбингера, миллионера из Кремниевой долины, сделавшего себе состояние на системах искусственного интеллекта для анализа фондового рынка. Ее мать умерла, когда девочке еще не исполнилось четырех, так что она выросла папенькиной дочкой. Отец в ней души не чаял, холил, лелеял и оберегал. В итоге она же его и убила. И еще одного человека.

У меня вырвалось удивленное восклицание, на сей раз ничуть не наигранное. Никогда бы не подумала, что особа с таким лицом способна на подобное. Такие обычно плачут неделю, если у них умрет хомячок.

- Неумышленно, - пояснил Моррингтон. - Они ехали в отпуск и попали в аварию. За рулем была она. Хотя обычно отец возил ее сам. Но тут она упростила его - мол, она уже не маленькая девочка, у нее есть водительская лицензия, а ему нужно отдохнуть. Ну и... Полиция пришла к выводу, что ее вины не было - во всяком случае, никаких правил она не нарушила. Несчастный случай - лопнувшая шина, потеря управления на сложном участке дороги... Хотя, возможно, будь за рулем более опытный водитель, он бы сумел избежать столкновения со встречной машиной. А может, и нет. Так или иначе, Реджинальд погиб, как и другой водитель, а Эмили отделалась травмой головы. Не особо опасной, но машина еще и загорелась. В жизни такое случается реже, чем в кино, но тоже бывает. В итоге ее все-таки сумели вытащить и спасти, но ее лицо и все тело были серьезно обезображены. На этом фото она до аварии.

Я начала понимать.

- Так ты говоришь, что ты доктор? А она - твоя пациентка?

- Именно так, - кивнул он. - Разумеется, это врачебная тайна.

- Пластический хирург?

- Не совсем, - улыбнулся он. - Хотя ты мыслишь в правильном направлении. Я же недаром сказал, что ты умная. Но, видишь ли, пластическая хирургия в традиционном смысле термина проблему не решает. Во-первых, она не обеспечивает абсолютного сходства. Знакомых обмануть еще можно, но программу анализа биометрики - нет. Во-вторых, даже при абсолютном сходстве черт лица останутся отпечатки пальцев. В-третьих, даже если пересадить кожу пальцев, останется анализ ДНК...

- Тогда в чем состоит наш план?

Это "наш" я, разумеется, тоже употребила не случайно.

- Ты что-нибудь слышала о химеризме? Хотя, конечно, откуда...

- Ну почему нет? - обиделась я. - Химеры - это такие сказочные чудовища.

- Не совсем чудовища, - улыбнулся он, - и не то чтобы сказочные. Я говорю о химеризме в медицинском смысле. Это очень редкое явление, заключающееся в том, что в одном организме присутствуют ткани и органы с разным генотипом. В естественных условиях химеризм возникает вследствие так называемого внутриутробного каннибализма, когда один близнец поглощает другого...

- Поглощает? - удивилась я.

- Ну, не зубами, конечно, - снова улыбнулся он. - Это просто такое выражение. Два эмбриона сливаются в один, примерно как... капля чая и капля кофе, например. Если это слияние неполное, получаются сиамские близнецы. А если полное, то рождается человек, внешне абсолютно нормальный. И внутренне тоже, если обследовать его обычными методами типа рентгена или томографии. И только генетический анализ может установить, что, скажем, почка у него - от несостоявшегося близнеца. Или матка и яичники, если речь о женщине. Собственно, благодаря яичникам это явление и было открыто, когда анализ ДНК показал, что родные дети женщины генетически ей не принадлежат... Кстати, беременность саму по себе в принципе тоже можно рассматривать как вариант химеризма - ведь половина генов плода в любом случае не от

матери, а от отца. Но это явление временное, в то время как настоящий химеризм постоянен и стабилен. А искусственным вариантом химеризма можно считать пересаженные органы. Но это тоже не полноценный химеризм, пациенту приходится до конца жизни принимать подавляющие иммунитет препараты, иначе начнется отторжение. Так вот, я нашел способ создавать полноценный химеризм. Выращивать ткани одного человека на теле - и в теле - другого, причем без всяких помех со стороны иммунной системы.

- То есть ты научился пересаживать органы без отторжения? Наверное, на этом можно зашибать хорошие бабки, - сказала я, а про себя подумала: так-так, а кто мне сказал, что он хочет сделать новой Эмили Харбингер меня, а не наоборот - пересадить ей мое лицо и кожу? И не пора ли бежать, пока еще не поздно - или он уже заблокировал дверь? Моя заколка в волосах на месте, и удара ею в глаз он вряд ли ожидает. Вот только проделывать такое прямо под окнами полицейского участка как-то не хочется.

Впрочем, если бы он собирался пустить меня на запчасти, зачем ему тогда мой английский?

Все эти мысли промелькнули у меня за какую-нибудь секунду, но он даже не заметил моих колебаний и продолжал вдохновенно вещать о своих научных достижениях - ну понятно, ведь, кроме меня, ему было особо не перед кем ими похвастать:

- Не пересадка. Выращивание. Для пересадки органа, взятого извне, мой метод, откровенно говоря, не подходит. Только для выращенного в самом организме реципиента, но при этом имеющего ДНК донора. Да, такие клетки несколько отличаются от клеток, непосредственно взятых у донора. Все дело в том, что клетка - это не только ее ДНК, и тем более - не только ядерная ДНК. При использовании определенных эпигенетических механизмов... Впрочем, - наконец одернул он себя, - неспециалисту это все не понять, а специалисту я бы уж тем более не стал раскрывать свое know how, - он улыбнулся почти извиняющейся улыбкой. - Достаточно того, что никакой анализ ДНК, применяемый медициной и полицией, разницы не покажет. Фактически моя методика перепрограммирует и стимулирует естественный механизм восстановления клеток. Ты знаешь, что даже в отсутствии травм почти все клетки человеческого тела регулярно обновляются, только с разной скоростью? Быстрее всего, за несколько дней, обновляются клетки слизистых оболочек. Клетки кожи - за две недели. Крови - четыре-пять месяцев. Печени - от трехсот до пятисот дней. Кости обновляются за семьдесят лет, но они - не самые медленные. Скелетная мускулатура обновляется только за пятнадцать-шестнадцать лет, и за столько же - кишечник, если не считать эпителия. Сердце - только за двадцать лет, а хрусталик глаза не обновляется вообще. Моя стимуляция ускоряет этот процесс, но на проценты, а не в разы. Так что вырастить новое сердце за приемлемое время таким образом нельзя. А вот все внешние покровы, от лица до папиллярных линий - можно. Через неделю ты сможешь пройти ДНК-тест на Эмили Харбингер, лизнув предметное стекло - именно так он обычно и делается. Через две у тебя будут ее отпечатки пальцев. Через пятнадцать в твоих сосудах будет течь ее кровь. Волосы тоже вырастут новые. Те, что есть, придется полностью удалить - просто красить их недостаточно, поскольку в их корнях содержится ядерная ДНК, а раздобыть выпавший волос человека - простейшая задача, которую можно решить и без судебного ордера. Сомневаюсь, что кто-то захочет тайком проводить такую экспертизу, но лучше не рисковать, верно? А вот сердце останется твоим еще много лет, но это не имеет значения, ибо туда при твоей жизни едва ли кто доберется и уж точно не будет брать оттуда образцы на анализ...

- Что насчет мозгов? - перебила я. - Они тоже станут ее мозгами?

- Некоторые ткани мозга обновляются - в частности, ответственные за память - некоторые нет. Но это, опять-таки, не должно тебя беспокоить. С твоей личностью ничего не случится. Ведь память не хранится в ДНК. Память - это структура связей между нейронами, а она не теряется при обновлении самих нейронов.

- Пожалуй, кое-какие из ее воспоминаний мне быгодились, - заметила я.

- Я много разговаривал с ней, расспрашивая о подробностях ее жизни. Под предлогом, что мне нужно убедиться, что ее память и личность не пострадала в результате всего пережитого. У тебя будет возможность тщательно изучить эти записи.

- Никто никогда не рассказывает о себе все. Даже не обязательно из желания скрыть. Пропустила, не вспомнила, не сочла важным. Что я буду делать, если меня поймают на незнании того, что обязана знать она? Хотя бы элементарно не узнаю людей, которых она должна знать?

- Притворись больной или пьяной, - пожал плечами он. - У тебя была травма головы, а потом еще тяжелый психологический шок, не забывай. Эмили, кстати, и в самом деле очень переживала, обвиняя себя в смерти отца, и часть ее воспоминаний, по всей видимости, действительно заблокирована подсознанием. Профессиональный психиатр, наверное, мог бы вытащить их оттуда, но это уже не моя специализация. Но это не столь уж существенно. "Последствия травмы" - универсальное оправдание. Кстати, у нее не такой уж большой круг знакомых. Она не из той "золотой молодежи", что проматывает отцовские деньги, закатывая вечеринки и оргии на сотни человек. Скромница, папенькина дочка.

- Тем не менее, она пьет? - сама я отношусь к алкоголю с большой осторожностью, зная, до чего он доводит.

- До аварии практически ни капли, но после... периодически себе позволяет, - признал доктор с неудовольствием. - Все те же последствия травмы. Но тебе, разумеется, никто не мешает объявить, что ты избавилась от этой вредной привычки. Как и от курения, если ты не куришь.

- Не курю, - подтвердила я. - А она, выходит, да?

- Тоже начала после аварии. Все то же ПТСР - посттравматическое стрессовое расстройство. Хотя и обещала мне бросить, но...

- Погоди, так сколько времени прошло после аварии? Я думала, она все еще лежит на койке вся в ожогах, и ей не до выпивки-курева.

- Нет, прошел уже год. Ее внешность я успешно восстановил - ведь моя методика позволяет не только выращивать чужие ткани, но и полноценно, без рубцов и шрамов, регенерировать собственные, что только проще. А сейчас она снова приехала в мою клинику, чтобы удостовериться, что нет никаких побочных эффектов и осложнений.

- И их нет?

- Нет.

- И как она выглядит сейчас?

- Примерно так же, как этом фото, только волосы, сгоревшие в аварии, еще не полностью отросли. Тебе тоже придется долго отрастить - до нынешней длины примерно пару лет.

- Ничего, это мне не впервой, - пробормотала я.

- Да, кстати. Еще важный момент. Эта твоя клятва насчет мужчин - ты это всерьез?

- Абсолютно.

- Очень хорошо. Я же говорю - ты подходишь просто идеально. Потому что, видишь ли, яйцеклетки не обновляются, каждая женщина имеет их запас от рождения. Соответственно, если ты родишь ребенка, будь то через год или через двадцать, у него будут гены Анхелины, а не Эмили. Как я уже говорил, именно так было открыто явление химеризма. Но там у детей, по крайней мере, были гены их несостоявшейся тети. А здесь генотип будет совершенно не родственный, и если это когда-нибудь вскроется, получится научная сенсация, плавно перетекающая в юридическую, что нам совершенно ни к чему... Так что, если когда-нибудь все же захочешь детей - лучше усынови.

- Не думаю, что у меня когда-либо возникнет такое желание, - усмехнулась я. - Но спасибо за предупреждение. Так где находится твоя клиника? Здесь, в Мексике?

- В южном пригороде Тихуаны, - кивнул он. - Собственно, туда мы сейчас и поедем, - он

положил руку на рычаг, собираясь переключиться с парковки на передачу, но я требовательно спросила:

- А почему американский доктор открыл клинику здесь, а не у себя в Штатах?

- Во избежание юридических проблем, - не обманул он моих ожиданий. - Моя методика - даже та ее часть, что применяется официально - не сертифицирована в США. По сути, речь идет о клонировании, хотя и не человека целиком, а отдельных тканей, и сертификация требует слишком долгих и мучительных процедур - многолетнее тестирование и все такое. Без этого в США я рискую потерять лицензию... особенно если что-то пойдет не так.

- А что-то может пойти не так?

- В медицине всегда что-то может пойти не так, - пожал плечами он. - Даже на упаковке аспирина ты найдешь целый список возможных побочных эффектов один страшнее другого. Они очень маловероятны, но теоретически не исключены. Вероятность попасть под машину, переходя дорогу, намного больше... особенно здесь, в Тихуане, - саркастически добавил он (что да, то да - стиль вождения у нас тут еще тот). - Но это же не повод не выходить из дома.

- Тем не менее, этих многолетних тестирований ты не проводил? И хочешь, чтобы я стала твоей подопытной мышкой?

- Проводил и на мышках, и на собаках, и на макаках-резусах. На людях - ну, собственно, на самой Эмили. И все безупречно. Это ее обследование - не просто повод заманить ее сюда. Оно действительно интересно мне с научной и практической точки зрения. И оно подтверждает, что все работает.

- Но ей ты просто нарастил ее собственную кожу. А не превратил ее в... химеру.

- Ну... да, но принципиальной разницы тут нет. Просто поверь мне, как специалисту...

- Каждый раз, когда я слышу "просто верь мне", у меня в башке загорается красный сигнал.

- Ну, в конце концов, - в его голосе прорезалась нотка раздражения, - ради восьмидесяти миллионов долларов США можно и рискнуть.

- Да, да. Мы ведь еще не обсудили самое интересное. Ты сказал - восемьдесят миллионов?

- Восемьдесят два, если быть точным. Таково ее состояние на текущий момент. За свои услуги я хочу десятую часть. Двести тысяч заплатишь официально, как плату за лечение, еще миллион перечислишь на счет благотворительного фонда, который я создал при своей клинике, остальное - перевод криптовалютой. Все прочее достается тебе. По-моему, это отличная сделка.

Даже слишком отличная, подумала я. Почему он не требует половину, или хотя бы четверть?

- Как видишь, я не из тех, кому жадность подменяет здравый смысл, - он словно прочитал мои мысли. - Я, конечно, мог бы запросить и больше, но разовой вывод слишком крупной суммы из активов Эмили Харбингер привлек бы нежелательное внимание и вопросы третьих лиц. Видишь ли, восемьдесят два миллиона - это не та сумма, которую Эмили может просто достать из сумочки. С восемью миллионами она может расстаться вполне безболезненно и продолжать жить дальше на дивиденды - но ради большей суммы ей пришлось бы продавать свою долю в компании, для которой, несмотря на гибель основателя, последний год был весьма успешным. Избавляться от таких активов - это, что называется, резать курицу, несущую золотые яйца, такое всегда привлекает повышенный интерес деловых кругов. Я мог бы запросить с тебя большую сумму с оплатой в рассрочку, в течение нескольких лет, но такой вариант мне тоже не нравится. Я ведь вполне отчетливо понимаю, с кем имею дело. Несмотря на твое имя, ты отнюдь не была ангелом все эти годы.

- Потому ты и предлагаешь мне это дело, - усмехнулась я. - Хорошая девочка на моем месте уже побежала бы в полицию - благо тут рядом.

- Да, разумеется. И все же мне не хотелось бы, чтобы у тебя возникло искушение, как это

у вас говорится, *кинуть меня, как лоха*, - последние слова он произнес по-испански. - Ситуация, когда ты получишь все состояние Эмили Харбингер, а я - одни лишь обещания на будущее, меня устроить не может. Мне нужны гарантии. Поэтому все наши финансовые расчеты должны быть завершены в течение первых трех месяцев. То есть когда у тебя уже будут лицо и отпечатки пальцев Эмили, но в твоих венах все еще будет течь кровь Анхелины.

"Что позволит легко разоблачить тебя, если что", - мысленно достроила я его фразу, а вслух сказала:

- Окей. Я тоже не люблю отложенных обязательств. Но, надеюсь, ты понимаешь, что окончательный расчет есть окончательный расчет. Мне тоже нужна гарантия, что через год ты не объявишься и не скажешь, что передумал и хочешь еще.

- К этому времени что-либо доказать сможет только пункция твоих внутренних органов, на какую процедуру ни один суд не даст санкции, поскольку официально моей методики не существует. А вздумай я ее обнародовать, меня бы это подставило еще больше, чем тебя. Как я уже сказал, я не из тех, кто из-за желания получить еще больше готов потерять все. Так что - восемь миллионов двести тысяч в первые три месяца, и мы расстаемся, довольные друг другом. Deal?

- Deal, - кивнула я, и мы поехали в его клинику.

Клиника представляла собой скрытый в стороне от дороги за деревьями, окруженный высоким бетонным забором особняк. Идеальное место для лечения и реабилитации тех, кто хочет избежать назойливого внимания и беспокойства - или же для изуверских опытов, разборки на органы или борделя для садистов, словом, всего того, что обыкновенно изображают в таких декорациях в триллерах. Мы приехали туда уже за полночь, и в свете ущербной луны почти не освещенное в этот час здание выглядело особенно зловеще. Но я уже сделала вывод, что, если бы я была нужна Моррингтону просто как мясо, в каком бы то ни было смысле, то не было бы нужды рассказывать мне всю эту занимательную историю, да и, как справедливо заметил он сам, не было смысла выкупать меня из полиции (и при этом светиться там самому) - проще и дешевле было снять любую уличную девку.

Так что остаток этой ночи я мирно проспала в своей новой постели в чистой и комфортной индивидуальной палате, а утром с большим аппетитом позавтракала, не думая о том, не подмешано ли что-нибудь в еду. Завтрак мне, кстати, доставила не медсестра, а лично Моррингтон, перед едой взявший у меня анализы. Меня ничуть не удивило, что он не хочет, чтобы кто-либо из персонала клиники видел мое лицо до преобразования. Он сказал, что результаты анализов будут готовы через несколько часов, предложил мне пока посмотреть телевизор, и вышел.

"Телевизор" представлял собой огромную плазменную панель во всю стену, размещенную так, чтобы удобно было смотреть с кровати - но, когда я улеглась с пультом и включила его, желая посмотреть тихуанские новости, оказалось, что к кабельной сети этот аппарат не подключен. В моем распоряжении была только фильмотека, все фильмы в которой назывались на удивление похоже - EMILY001, EMILY002 и т.д. Это были записи тех самых бесед, о которых упоминал Моррингтон. Я принялась смотреть их, изучая образ, в который мне предстояло вжиться.

На первой записи лицо и всю голову Эмили - а также и ее руки там, где они выглядывали из больничной пижамы - еще скрывали повязки. Из-под бинтов виднелись только глаза и рот. Ее голос звучал довольно вяло, и я не знала, приписать ли это состоянию ее здоровья или просто общей слабости характера. Тем не менее, по уже сложившейся привычке я стала повторять ее фразы, стремясь точно воспроизвести произношение и интонацию. В смысл фраз я при этом не особо вдумывалась - ничего интересного и неожиданного там не было. Моррингтон (оставшийся за кадром) своим воркующим голосом расспрашивал ее о детстве, она говорила, что матери почти не помнит, помнит только большую, в рост самой тогдашней Эмили, куклу,

подаренную матерью на день рождения - как оказалось, последний ее подарок - и вот эту самую куклу она помнит намного лучше, чем саму мать. Еще помнит исходивший от матери неприятный запах лекарств, а вместо лица - какое-то размытое пятно. Хотя потом, конечно, уже в более взрослом возрасте, она, то есть Эмили, рассматривала материнские фотографии, но не чувствовала ни радости узнавания, ни любви. Наверное, она плохая дочь, что совсем не помнит и соответственно не любит свою маму. А вот папу... - тут она принялась хныкать, Моррингтон стал ее успокаивать, а меня вновь одолела сонливость, которую я приписала слишком плотному завтраку и скучному зрелищу, и в итоге я сама не заметила, как отключилась.

Когда я пришла в себя, я лежала на той же кровати, но никаких телевизионных голосов больше не звучало, и суля по тому, как падал на потолок свет из окна, было уже не утро, а вечер. Я чувствовала неестественную слабость, меня подташнивало, а главное - я воспринимала собственное тело как какой-то массивный, но бесчувственный кусок. Словно вся оно онемело или превратилось во что-то вроде резины. Я попыталась поднять руку и потрогать лицо. Сперва я увидела, что моя рука вся в бинтах - каждый палец в отдельности - а потом встретила сопротивление и услышала шорох ткани о ткань, но почти не ощутила прикосновения. Тем не менее, я поняла, что и мое лицо все в повязках.

В точности, как у Эмили на видеозаписи.

- Очнулась? - услышала я бодрый голос Моррингтона. Повернув голову влево, я увидела не только его довольное лицо, но и капельницу, воткнутую в мою левую руку, а также еще какое-то оборудование, от которого тянулись провода и трубки ко мне под одеяло. - Ни о чем не волнуйся. Операция прошла превосходно.

- Что ты подмешал мне в еду? - я хотела сказать это гневно, но голос прозвучал слабо. Да еще и повязки на губах мешали говорить.

- Вполне безобидное снотворное. Не хотел, чтобы ты нервничала перед операцией. Ну а потом уже, конечно, общий наркоз. Еще некоторое время ты будешь отходить от него, но это все в пределах нормы.

- Что... ты со мной сделал? Я думала, это будет что-то вроде укола, после которого мои клетки начнут меняться, и все...

- Ну, не совсем. Необходимо было извлечь образцы тканей ряда твоих внутренних органов - в частности, костного мозга и вилочковой железы - подвергнуть их генетическому перепрограммированию на основе биоматериала донора, а затем поместить обратно. Кроме того, мы ведь хотим ускорить процесс трансформации, а для этого нужно максимально активизировать регенерационные механизмы. В настоящий момент примерно две трети твоей кожи удалено...

- ЧТО?!

- Не волнуйся. Все снова нарастет без всяких рубцов и шрамов, как я и говорил. Только это будет уже лицо и кожа Эмили. И больно не будет, все необходимые медикаменты поступают в твою кровь автоматически, - он указал на трубку, уходившую под повязки на моей левой руке. - Разве что некоторый зуд. В крайнем случае, если почувствуешь боль - пульт под твоей правой рукой, жми на красную кнопку, и дозатор введет тебе дополнительную порцию анестетика. Только не жми на нее слишком часто - дозатор все равно не позволит превысить безопасную дозу.

- Черт тебя подери, Моррингтон! Ты мог хотя бы предупредить меня!

- Зачем было беспокоить тебя перед операцией?

- Я привыкла знать, на что я подписываюсь!

- Ты подписалась на восемьдесят два миллиона долларов.

- Семьдесят четыре.

- Тоже неплохо. Я-то получаю только восемь.

- Но и не ты лежишь тут без кожи.

- Потому ты и получаешь джек-пот. Я бы поменялся с тобой местами, если бы мог.
- А что мешает? - усмехнулась я (вообще усмехаться, когда у тебя вместо губ повязки, не очень удобно). - Не хочешь стать девушкой за восемьдесят лимонов?

- Ну хотя бы то, что я не могу сделать операцию сам себе и не могу доверить свое know how ассистенту, - усмехнулся он в ответ.

- Потому что он даже не станет требовать 50 на 50, а просто сделает так, чтобы ты не проснулся от наркоза, и станет монопольным владельцем тайны, - подхватила я.

- Ты умная девушка, как я уже говорил, - улыбнулся он.

- Вот и не держи меня за дуру. Которую надо пичкать снотворным и успокоительным, пока она плачет о папочке. Я - не она, даже если и выгляжу - или буду выглядеть - как она.

Гм, воображаю, как я выгляжу сейчас под всеми этими повязками, подумала я. Тому, кто увидел бы меня такой, самому бы потребовалось успокоительное... не считая, конечно, Моррингтона, который меня такой и сделал.

- Кстати, - сказал он таким тоном, словно я напомнила ему о чрезвычайно интересовавшем его вопросе, - твоя мать когда-нибудь была в Америке?

- Кто бы ее туда пустил? - фыркнула я.

- Ну, может, она жила там нелегально. Работала, скажем, нянкой, кухаркой или сиделкой. А потом ее депортировали. Еще до твоего рождения.

- У нее была другая... специализация. И мне она о таком не рассказывала. А какое это имеет значение?

- Видишь ли, твой ДНК-тест дал совершенно поразительный результат. Сначала я подумал, что просто перепутал образцы. Но нет, я перепроверил четыре раза... - он вдруг замолчал, словно раздумал продолжать.

- И? - поторопила я его. - Что не так с моей ДНК?

- Все абсолютно так. Даже лучше, чем я предполагал. Просто теоретический интерес.

- Я уже сказала - не держи меня за дуру, док. Начал, так договаривай.

- Все дело в том, что твой отец... чистокровный англосакс. Не латиноамериканец.

- Только-то? - снова фыркнула я. - И что тут поразительного? Мой отец мог быть абсолютного кем угодно - и для этого моей матери вовсе не требовалось покидать Тихуану.

- Ясно, - кивнул он. Похоже, до него только теперь дошло, какую "специальность" я имела в виду. - Ну, как я уже сказал, это только хорошо. Чем ближе генотип донора и реципиента, тем меньше риск осложнений - то есть он и так был очень мал, а теперь, полагаю, вообще нулевой. Ну ладно, не сучай - вставать тебе пока нельзя, и вообще шевелиться желательнее поменьше, но рычажок на пульте поднимает-опускает кровать в сидячее или лежащее положение. Смотри записи, входи в роль. - он кивнул в сторону экрана и вышел.

Процесс моего выздоровления и одновременно превращения и в самом деле пошел быстро и без осложнений. Правда, насчет "некоторого зуда" Моррингтон "несколько преуменьшил" - временами чесалось так, словно меня покусал миллион комаров. Ну, я с детства знала, что когда доктор говорит "будет не больно" - значит, боль будет терпимой, а когда он говорит "будет немножко больно" - она будет чертовой. Оказалось, дорогие частные клиники в этом плане не так уж сильно отличаются от тех, что доступны обитателям трущоб Тихуаны. На мои жалобы Моррингтон заявлял "мы же не хотим передозировки кортикостероидов? Это замедлит процесс регенерации. А сейчас он идет очень, очень хорошо - даже быстрее, чем я ожидал!"

И вот, наконец, настал день, когда с меня окончательно сняли все повязки. Не одеваясь - не Моррингтона же мне было стесняться, он уже видел меня не только без одежды, но и без кожи - я пошла в находящийся тут же в палате туалет, чтобы посмотреть в большое зеркало.

Признаюсь, мне было страшно. Наверное, я посмотрела в свое время слишком много американских фантастических фильмов. Там всегда в таких случаях что-то идет не так. Но нет, в

зеркало я не увидела чудовище Франкенштейна, покрытое уродливыми шрамами. Моя кожа - за исключением тех участков, которые пощадил скальпель доброго доктора - была розовой и нежной, как у младенца, и все еще сохраняла повышенную чувствительность, но выглядела вполне здоровой. Единственным неприятным сюрпризом стала абсолютно лысая голова - до меня только теперь дошло, что слова Моррингтона об "удалении волос" означали не бритье, а скальпирование, словно в вестерне. Кстати, то же самое было проделано и с моими подмышками и лобком. Мои груди стали меньше, но это меня не расстроило. С такими только удобнее бегать и драться - да и, глядишь, желающих испытать на прочность мою клятву теперь будет меньше. Внимательнее всего я, конечно, рассматривала лицо. Совсем без волос оно выглядело слишком непривычно, и я прикрыла верхнюю часть лба ладонью, пытаясь сгладить этот эффект.

- Примерь-ка, - подошедший сзади Моррингтон протянул мне парик каштанового цвета. Я надела его. Да, теперь не было сомнений - из зеркала на меня смотрело то же лицо, что и на фотографии и тех видеозаписях, где Эмили была без повязок. Лицо, одновременно похожее и непохожее на мое. Некоторое время я гримасничала проверяя работу мышц. Все было безупречно. И все-таки мое прежнее лицо нравилось мне больше. А этот безвольный подбородок и пошлые ямочки на щеках... Ну ладно. Тем больнее обломается тот, кто вздумает судить обо мне по внешности.

На следующий день состоялся мой перевод в другую палату.

Палату Эмили.

Постель там, конечно, постелили новую, но в остальной палата все еще хранила следы ее присутствия - одежда в шкафчике, косметичка, на столике у кровати - ваза с фруктами и бумажная книжка в мягкой обложке, раскрытая и перевернутая корешком вверх... Первым делом я впилась зубами в большое красное яблоко - в последние дни меня кормили главным образом через трубочку. Потом бросила взгляд на книгу. Судя по картинке на обложке, это было какое-то фэнтези с эльфами и гномами. Я никогда не понимала, как можно читать подобную чушь, если тебе уже исполнилось хотя бы семнадцать - а ей было 26, на три года больше, чем мне. Впрочем, когда в твоей жизни нет никаких реальных проблем и опасностей, можно, наверное, всерьез переживать и за эльфов.

В конце концов, чем они хуже коал?

Меня больше заинтересовало, зачем ей понадобилась бумажная книга. Почему она не читала с экрана. Некоторые, правда, не любят читать с гаджетов - но только не такие фифы, которые наверняка пользоваться айфоном учатся раньше, чем унитазом.

- Где ее телефон? - спросила я Моррингтона, который все еще стоял возле двери, глядя, как я осваиваюсь в палате.

- На хранении, - улыбнулся он. - Правило нашей клиники - никаких телефонов и ноутбуков. Новости из внешнего мира не должны нарушать покой пациентов.

"Чтобы никто тут ничего не фотографировал и не снимал на камеру, и уж тем более не вел отсюда прямых трансляций", - мысленно перевела я.

- Меня это тоже касается? - осведомилась я. - Мне же надо входить в роль. Изучать ее аккаунты и все такое.

- Да, - согласился он, - я дам тебе ноутбук. Но, пожалуйста, только читай и ничего не пиши. Пока ты еще не готова. И уж тем более не пытайся связаться ни с кем из прошлой жизни. Ты же понимаешь, это в твоих же интересах. Та жизнь теперь закончилась. Анхелина умерла навсегда.

Я, разумеется, понимала, кто умер этим утром на самом деле. Мы с Моррингтоном ни разу не обмолвились и словом, ни что будет с настоящей Эмили - это было очевидно - ни как это произойдет. Это была его забота - нет места удобнее для убийства, чем лечебное учреждение, и нет профессии удобнее для убийцы, чем врач. Моей проблемой это не было, а я привыкла не думать о том, что не является моей проблемой. И все же, удобно устраиваясь на кровати Эмили в

ожидании обещанного ноутбука и с аппетитом жуя предназначенное для нее сочное сладкое яблоко, я впервые с какой-то особой отчетливостью ощутила, что девушка, с которой мы прожили практически бок о бок (наши палаты находились в одном коридоре), хотя и не видя друг друга, больше двух недель и которая была жива еще несколько часов назад - теперь мертва. За свои 23 года я убивала уже не раз, всякий раз без малейших колебаний - но это всегда были мужики и, главное, всегда те, кто мне угрожал. То есть угрожал сознательно, а не просто фактом своего существования. Теперь же... "Даже не успела узнать, чем кончится ее дурацкая книга", - пришла мне в голову совсем уже глупая мысль (судя по количеству страниц слева и справа, дочитать ей оставалось совсем немного). Но пожалела ли я хоть на миг о принятом решении? Однозначно нет. Даже если бы у меня на хвосте не висел Альварес. Она была слабой. Ее руки подготовлены не были к драке, и она не желала победы. Я достойна занять это место. Я многое делаю лучше.

Изучение ее аккаунтов в социальных сетях, которым я плотно занималась в следующие дни, вполне подтвердило мое уже сложившееся мнение об Эмили. Там даже были посты про коал! А также про права ЛГБТ, "стоп расизм" и тому подобную левую херню. Нет, Эмили не была активисткой ни одной из соответствующих организаций и не писала всю эту чушь сама. Просто репостила то, что писали другие, полагая, очевидно, что в этом состоит ее долг богатой белой американки перед всеми угнетенными меньшинствами, до коал включительно. Что характерно - при этом ей ни разу не приходило в голову пожертвовать, например, миллион-другой беднякам Тихуаны. Нет - такие, как она, успокаивают свою совесть тем, что делают репосты и ставят лайки в соцсетях. Впрочем, оно и к лучшему. До бедняков бы все равно ничего не дошло, кроме жалких крох - все остальное осело бы в карманах солидных господ из благотворительных фондов. Как там говорил Моррингтон - "миллион отдашь благотворительному фонду при моей клинике..." Вот в этом они все.

Кого-то, может, и удивило бы, что я, родившаяся и всю жизнь прожившая в трущобах Тихуаны, так не люблю левых, но этот кто-то - дурак. Потому что никто на свете не заинтересован, чтобы бедных было как можно больше, сильнее, чем левые. Ибо, если бедных станет мало, кто будет за них голосовать? Разве что такие дуры, как Эмили Харбингер. А теперь уже и она - тоже нет.

В целом Эмили писала в соцсетях не слишком активно. Кстати, меня вообще поражает нынешняя всеобщая манера это делать. У меня, пока я жила на улице до встречи с Хуаном, не было даже телефона. Потом, конечно, появился и телефон, и ноутбук - но я никогда не использовала их для такой глупости. Для связи со своей бандой, для поиска информации, ну и, конечно, для развлечения тоже - фильмы, книги, музыка - это все понятно. Но кем надо быть, чтобы своими руками создавать на себя досье и выкладывать его в публичный доступ?! Да еще и не одно, а несколько, как они все любят! Если вы еще собрали обо мне недостаточно информации через фэйсбук - вот вам, пожалуйста, твиттер, ах да, еще инстаграм не забудьте, вдруг вам моих фоток мало! Идиоты. Не, я понимаю, политики и артисты, которым нужно рекламировать себя 24 часа в сутки - но зачем это делают все остальные?!

Хотя, конечно, пусть делают. Это очень облегчает задачу таким, как я.

Но, как я уже сказала, Эмили писала в своих блогах не так уж много. Вероятно, не столько из разумной осторожности, сколько из природной скромности. В основном это были пустые посты о каких-то никому не интересных мелочах - даже не скажешь, что их писала наследница многомиллионного состояния. Сдала на водительскую лицензию (со второго раза!), посмотрела такой-то фильм (у нее было несколько любимых актеров, все мужчины), а вот какой салют на День независимости, осваиваю гитару (это хорошо - на гитаре играть я тоже умею, хуже было бы, если бы она осваивала рояль), у нас третий день холодно и дожди, решила поменять прическу, как думаете, лучше так или как было? (голосование, победил вариант "лучше так", хотя на мой взгляд, так отвечали, чтобы ее не расстраивать), а вот как мы украсили

дом на Хэллоуин, всех с Рождеством и всяких вам бла-бла-бла, а вот вам фото белки на сосне... Фотки из путешествий с папочкой - лыжный курорт, морской круиз, карнавал, какие-то средневековые европейские улочки и стилизованные под национально-исторический колорит ресторанчики... Фотки с подругами (немногочисленными) - парами или компаниями на днях рожденья, пикниках и пляжах (в блогах этих подруг мне тоже предстояло покопаться, чтобы узнать и о них как можно больше - хорошо, что их было немного). Нигде никаких упоминаний о женихе или бойфренде. Вот это очень хорошо - мне бы, конечно, не составило большого труда его отшить, но такие типы порою знают подробности, о которых не рассказывают даже врачам. И могут пустить это знание в ход, если сочтут себя несправедливо обиженными. Но, похоже, папочка был единственным мужчиной в ее жизни. Нет, не в том смысле - никакой грязи, во всяком случае, ни малейших намеков на таковую. Но, наверно, она, воспитанная под его крылышком, попросту боялась близких отношений с другими (замечу, что это не мой случай, все-таки "бояться" и "не хотеть" - разные вещи). Она была готова лишь любоваться красивыми актерами (а точнее даже - их героями, придуманными, как и эльфы из ее книжки) с безопасного расстояния. Да и папаша, скорее всего, не желал, чтобы его обожаемую принцессу увел какой-то парень, и внушал ей мысль "им нужна не ты, а твои деньги". Впрочем, это по большей части мои догадки - прямо она эту тему не обсуждала не только в интернете, но и в беседах с Моррингтоном (оно и понятно, ведь он не был психотерапевтом, а всего лишь "проверял, насколько успешно восстановилась ее память после аварии").

После аварии, кстати, интернет-активность Эмили практически полностью сошла на нет. Пропали даже репосты про коал. Понятно, что сразу после катастрофы ей было не до этого. Первый пост, сухим протокольным языком извещавший о случившемся, появился почти через два месяца. В комменты ей накидали, как водится, традиционных слов (а еще больше смайликов) сочувствия, пожеланий "держаться" и "выздоровливать" (она оставила все эти пожелания без ответа). Затем - только несколько постов с поздравительными картинками (естественно, взятыми откуда-то из интернета) к американским праздникам (включая пошлые сердечки к Дню святого Валентина, заставившие меня брезгливо поморщиться), одинокий пресс-релиз, скопированный с официального аккаунта компании ее отца (до этого Эмили совершенно не интересовалась отцовским бизнесом, во всяком случае, ни разу не писала об этом - но и этот репост остался единственным) и несколько фото в инстаграме, изображающие одинокую улыбающуюся Эмили на фоне заката над океаном, залитых солнцем прибрежных дюн, поросших соснами скал и интерьеров ее калифорнийского дома. Дом, кстати - вместе со всем своим окружением - был как раз такой "роскошной трехэтажной виллой на берегу океана", о какой, не сговариваясь, мечтали сперва моя мать, а потом и Хуан, и мне как-то даже страшно было поверить, что это больше не мечты и не сказки, что теперь он - мой, и уже скоро я войду в него, как хозяйка. Но эти фотки - как, по крайней мере, мне представлялось - делались не с целью похвастать своим богатством, а с целью показать "со мной все в порядке, и отстаньте от меня все". Не берусь судить, насколько искренней на них была улыбка - на первый взгляд Эмили действительно выглядела довольной жизнью, но я помнила слова Моррингтона, что после аварии она начала пить и курить, да и ее практически прекратившееся общение в сети (комментов под постами бывших подруг она уже тоже не оставляла) наводило на мысль о затяжной депрессии (хотя я, разумеется, не психиатр). Я внимательно рассматривала эти фото, пытаюсь понять, были ли это селфи, или все-таки существовал еще один человек, который снимал. Некоторые из них, во всяком случае, явно были сняты с расстояния в пару метров - но это ничего не доказывало, можно ведь снимать с задержкой со штатива. Но ни тени, ни второй цепочки следов на песке, ни иных признаков этого другого человека я так и не нашла. Похоже было, что после аварии и гибели отца Эмили и впрямь замкнулась в одиночестве - что меня, понятно, более чем устраивало. Чем с меньшим числом людей из прежней жизни Эмили мне придется иметь дело, тем лучше.

Исследовала я также почтовый ящик Эмили (с логином у меня не было никаких проблем, как и в соцсетях - в былые времена потребовалось бы знать все ее пароли, но ныне, когда все эти идиоты, ответственные за кибербезопасность, считают, что биометрика намного надежней, отпечаток пальца открывал передо мной все двери). Но ящик оказался практически пустым, если не считать автоматических сообщений, нападвших со времени прибытия Эмили в клинику. В основном это были уведомления о ее финансовых делах. "Дорогая мисс Харбингер, на ваш счет начислено... Дорогая мисс Харбингер, ваш платеж назначен на... С вашего счета списано... Ваш платеж получен, спасибо." Всем этим - начислением дивидендов и оплатой счетов - занимались роботы. Вмешательство не требовалось, и, насколько я поняла, Эмили по-прежнему не занималась делами компании своего отца. Других писем в ящике не было, ни входящих, ни исходящих - видимо, она удаляла их после прочтения или отправки. Полезная, кстати, привычка, я даже не ожидала такой от читательницы книг про единорогов (или эльфов, какая разница).

Что касается самих банковских счетов Эмили, то доступ к ним я, понятно, проверила в первую очередь. Проблем с этим тоже не возникло, но цифры оказались разочаровывающими. Однако Моррингтон объяснил мне, что большинство богатых людей держит на текущих счетах лишь "жалкие тысячи", а основные средства "инвестируют на фондовом рынке, в частности, через индексные фонды". Для меня это все был темный лес, но компания Реджинальда Харбингера как раз и занималась компьютерной оптимизацией подобных инвестиций, и уж он-то позаботился, чтобы средства его дочери были вложены наилучшим образом, так что вмешиваться в работу умных компьютеров не было никакой нужды. Как говорил Хуан, никогда не чини то, что работает. Хотя для того, чтобы расплатиться с Моррингтоном, мне нужно было вывести средства из этих фондов, но он не требовал, чтобы я сделала это прямо сейчас. Он, разумеется, понимал, что мне тоже нужны гарантии - сперва я должна благополучно добраться до моего нового дома в Калифорнии. Не в нашей Калифорнии, а в ихней Калифорнии - которая, однако, теперь становилась для меня нашей.

Попутно мне пришлось пройти еще одну малоприятную медицинскую процедуру - точнее, несколько процедур. Зубы у меня всегда были крепкие - а вот у Эмили, очевидно, не очень, несмотря на куда лучшие возможности для ухода за ними. Поэтому мне пришлось поставить четыре пломбы и коронку, чтобы и тут все было, как у нее. Нормальный дантист, конечно, не стал бы проделывать такое со здоровыми зубами (или, как минимум, очень удивился бы такому желанию клиента), но тот, что работал на Моррингтона, вопросов не задавал.

И вот настал день моей выписки из клиники. Но вместо того, чтобы заказать мне такси в аэропорт, Моррингтон вручил мне - вместе с документами и телефоном Эмили - ключи от автомобиля.

- Она что - приехала сюда на своей машине? Прямо из Штатов? - удивилась я.

- Именно так.

- Но... до ее дома отсюда, насколько я понимаю... километров четыреста?

- Почти пятьсот. И, кстати, никогда больше не говори "ее дом". Говори "мой дом".

- И почему же, в таком случае, "я" не полетела самолетом?

- Потому что ты... не любишь летать. Разумеется, после прохождения курса в клинике ты могла избавиться от этой фобии. Но не нанимать же теперь отдельного человека, чтобы он перегнал машину обратно. Тем более что, когда ты ее увидишь, ты вряд ли захочешь доверить ее кому-то еще.

- Но я... ладно, док, к черту эту комедию! Я даже не знаю, люблю ли я летать. Мне никогда не доводилось это делать. Но вот она летала с отцом в Европу и не только.

- С отцом, да. Он придавал ей уверенности. А оставшись одна, да еще на фоне страха перед аварией, она приобрела эту фобию.

- Странно. По идее, у нее должен был развиваться страх как раз перед вождением

автомобиля, а не перед полетом пассажиром на самолете!

- Человеческая психика - довольно причудливая вещь, - пожал плечами Моррингтон. - Иногда один страх в ней развивается, чтобы вытеснить другой. Но это, как ты знаешь, не моя специальность. Ну, ты готова? Идем.

Мы прошли в лифт, где было всего 4 кнопки - "3", "2", "1" и "-1" - и он нажал на нижнюю. Меня это не удивило - я полагала, что мы спускаемся в подземный гараж. Но, когда двери раскрылись, я не увидела ничего похожего на паркинг. Только коридор с белыми стенами и закрытыми металлическими дверями. В коридоре стояла пустая голая каталка, никелировано блестя в белом свете потолочных плафонов. И здесь было намного холоднее, чем наверху.

- Где мы? - спросила я, уже догадываясь об ответе.

- В морге, - не обманул моих ожиданий Моррингтон.

Умом я понимала, что нужна Моррингтону живой, пока он не получит денег, да и вообще, если бы он хотел от меня избавиться, то не стал бы обставлять все так театрально, я бы просто не проснулась после очередного завтрака или ужина - и все же я почувствовала себя неудобно. Мелькнула мысль, что у меня даже заколки под руками нет - ее некуда воткнуть, мои волосы успели отрасти едва на сантиметр...

- И что мы здесь делаем? - ровным тоном осведомилась я.

- Идем в гараж, - ответил Моррингтон будничным тоном и указал рукой в конец коридора.

- Выход там, - но, когда я, уже совсем успокоившись, пошла вперед рядом с ним, добавил: - Но прежде хочу кое-что тебе показать. Или кое-кого.

Он повернулся к одной из боковых дверей, на которой был кодовый замок, и быстро нажал несколько кнопок (идентификации по отпечатку пальца он явно не доверял). Замок щелкнул. Моррингтон открыл дверь, за которой было совершенно темно, и сделал приглашающий жест.

Входить в эту тьму совсем не хотелось, но я все же шагнула внутрь, боковым зрением не выпуская Моррингтона из вида. Он щелкнул выключателем. В глубине помещения загорелся свет, но совсем неярко, озарив изнутри что-то вроде огромного аквариума. Это был стеклянный куб высотой (и шириной) в человеческий рост, заполненный мутной белесой жидкостью. И в этой жидкости, скрючившись почти до позы эмбриона, плавало голое человеческое тело. Тело женщины. Лица я в таком ракурсе и сквозь эту муть разглядеть не могла (и, кажется, волос там тоже было негусто), но очертания фигуры не оставляли в этом сомнений.

Моррингтон не двинулся дальше от двери, и я тоже не стала подходить к кубу - оставлять его у себя за спиной чертовски не хотелось, ощущение, что стоит мне это сделать - и он закроет меня здесь и уже никогда не выпустит, было хотя и иррациональным, но почти нестерпимым. Так что я лишь спросила:

- Это Эмили?

- Да.

- И что она здесь делает?

- Плавает в формалине, - усмехнулся он.

- Я имею в виду - зачем ты хранишь такую улику?

- В научных целях, - снова усмехнулся он. - Ну и, кроме того... как дополнительную гарантию. Если вдруг возникнут какие-то проблемы с твоей стороны - которых, я надеюсь, не будет, но если вдруг - например, ты решишь, что никто не сможет взять у тебя анализ крови без постановления суда, для которого нет оснований... это тело могут найти. Разумеется, его найдут не здесь. Но генетический анализ любой его ткани - любой! - покажет, что это и есть настоящая Эмили Харбингер. А значит, та, другая - самозванка. И знаешь что? Даже твое чистосердечное признание будет для суда звучать, как фантастический рассказ. То есть себе ты повредить сможешь, а мне - нет. Ни один обыск в этой клинике не сможет доказать, что я применяю технологию, которой официально не существует. То есть специалисты, конечно, будут теряться в

догадках, как именно возник столь поразительный случай химеризма, и, вероятно, придут к выводу, что это было сделано искусственно, но предъявить мне обвинение не смогут. Презумпция невиновности, знаешь ли. Невозможно обвинить в отравлении в мире, где неизвестно само понятие "яд". Что касается причины смерти Эмили, то экспертиза покажет, что она умерла от передозировки наркотиков, которые, очевидно, начала принимать после аварии, чтобы заглушить физическую и душевную боль - причем произошло это за много миль отсюда и без какой-либо связи со мной. ("Было ли это правдой, насчет наркоты? - подумала я. - Доселе он упоминал только курение и алкоголь, но, возможно, еще и это? Впрочем, неважно - на меня это никак не повлияет, у меня не ее тело, а только ее гены...") Так что, - продолжал он, - я очень надеюсь, что ты и дальше останешься умной девушкой и честно выполнишь свою часть сделки. Ну а я, в свою очередь, готов дать дополнительную гарантию тебе. Хотя, как я уже говорил, я уверен, что моя работа сделана безупречно и никаких осложнений медицинского характера у тебя не будет - но если вдруг у тебя возникнут хоть какие-то беспокоящие тебя симптомы - когда бы это ни случилось, хоть через десять лет, обращай ко мне. Я даже не возьму с тебя дополнительную плату. Ты, конечно, спросишь, с чего это я такой добренький? (Именно это я и собиралась спросить.) Видишь ли, деньги - это все же не единственное, что меня волнует. Не буду говорить "не главное", но - не единственное. Научный результат тоже важен. Пусть даже я и не могу предъявить его медицинскому сообществу, мне самому важно знать, что разработанная мной методика работает именно так, как я предсказывал. А если вдруг нет - то в чем я ошибся и как это исправить. Надеюсь, такой необходимости не возникнет, но - я ведь сразу предупредил тебя, что это экспериментальная методика, а абсолютных гарантий в медицине не бывает.

Меня не слишком обеспокоили его слова. Просто он сам хотел получить еще одну дополнительную гарантию, вот и все. Мол, если я все же попытаюсь мухлевать с оплатой, мне в дальнейшем еще может понадобиться помощь, которой, кроме него, не сможет оказать больше никто.

Мы вышли из морга в гараж, как он и обещал, и я увидела ту самую машину, которую я бы "не захотела доверить никому другому". Это оказался шикарный ярко-красный кабриолет "Феррари Калифорния". Я не такая фанатка тачек, как некоторые парни - я привыкла оценивать их (как, пожалуй, и вообще все на свете) с точки зрения практической полезности, а не крутизны. В трущобах Тихуаны лучше ездить на чем-нибудь маленьком и обшарпанном (но надежном), чем на том, что привлекает всеобщее внимание и вызывает завистливую ненависть к владельцу, который смеет не просто быть богатым, но еще и демонстративно кичиться этим. Такую машину там бы немедленно угнали (возможно, что и вместе с хозяином, чтобы потребовать выкуп), а если бы это не получилось - пропороли бы шины, изрезали бы корпус, разбили бы стекла и нассали в салон. Но это в трущобах Тихуаны, которые больше не были моим миром. И желание сесть за руль такого красавца, зная, что теперь он мой и только мой... да, признаюсь, даже для меня это перевешивало неудобства пятисоткилометровой дороги.

Ну, по крайней мере, поначалу. После того, как я без всяких проблем пересекла границу ("Добро пожаловать домой, мисс Харбингер!") - я мчалась в машине с открытым верхом по отличному американскому шоссе вдоль океана, подставив лицо солнцу и теплому ветру - прямо-таки живое воплощение рекламного плаката "Жизнь удалась" (разве что ветер не развеивал мои волосы - нечего было развеивать, парик я пока что сняла). Хорошо, что на шоссе были и другие машины, иначе трудно было бы сдерживать инстинктивное желание втопить педаль в пол ("Не гоняй по 200 миль в час, нам ведь не нужна еще одна авария", - напутствовал меня Моррингтон при расставании, и я огрызнулась: "Сама знаю!", но тут поняла, что предупреждение было не лишним). Однако постепенно восторг сменялся утомлением, и я уже не могла дожидаться, когда кончится эта чертова дорога.

К своему дому, который я доселе видела только на фотографиях и картах гугла, я подъехала уже в темноте. Оставив машину в гараже, я обошла дом со стороны фасада,

оказавшись на широкой полукруглой площадке с бассейном посередине. С двух сторон, южной и северной, дом обступали те самые поросшие невысокими соснами скалы, с третьей, западной, длинная лестница спускалась к океану, откуда доносился шум прибоя. Днем все это должно было смотреться замечательно, но сейчас темная, без единого огонька громада дома на фоне чернеющих зарослей и беззвездного неба (днем было солнечно, но к вечеру натянуло облачность) показалась мне угрюмой и даже отчасти зловещей. Словно я все еще была в Тихуане и передо мной был заброшенный дом в незнакомом районе, где мог скрываться кто угодно. "Ты просто устала с дороги, и вообще, пора избавляться от прежних инстинктов!" - сказала я себе, нашарила в кармане ключи и, поднявшись на крыльцо, открыла входную дверь.

Внутри царил абсолютный мрак - все жалюзи на окнах были опущены. Я пошарила рукой слева, потом справа от двери, пытаюсь найти выключатель - но все тщетно. "Да где же включается этот хренов свет?"⁸ - пробормотала я по-английски, и в следующую секунду с мягким щелчком он зажегся. Умная автоматика просто ожидала команды "light, turn on"

Но это я сообразила уже позже. Ибо в тот миг мне было не до размышлений о возможностях голосового интерфейса "умного дома". Вместо пустого холла я увидела толпу, которая, очевидно, молча дожидалась меня в темноте. В полном соответствии с только что мелькавшими у меня мыслями о банде, поджидающей в развалинах самоуверенного лоха, имевшего глупость сунуться в чужой район.

Ну ладно, не то чтобы толпу, но дюжина человек там была. А я была одна, и у меня не было никакого оружия.

Даже заколки.

- Сюр-при-и-из!

Они протянули это хором, а потом расхохотались. Должно быть, им показалось очень смешным выражение моего лица. Их счастье, что у меня не было при себе пушки. Я бы начала стрелять еще до того, как они дошли до "приз". В конце концов, они ведь вломались в мой дом, так? А при таком численном перевесе противника спасти может только быстрота и решительность. Как в том переулке, где я впервые встретила с Хуаном.

Впрочем, я уже сообразила, что на бандитов эта весело ржущая компания с дурацкими бумажными колпаками на головах не похожа. Уж точно не головорезы, посланные Альваресом - но и едва ли местные грабители, решившие обчистить богатый дом в отсутствие хозяйки. Слишком расслаблены и слишком неподходяще одеты - особенно девки, которых в компании было даже больше, чем парней. На дело не ходят с таким макияжем и уж тем более в таких туфлях, в которых невозможно ни бежать, ни драться. Но я все равно не знала, кто эти люди. Я, разумеется, тщательно изучила всех приятелей и подруг Эмили, которых нашла в соцсетях. И даже родственников и друзей ее покойного отца, а также руководство его компании. Но теперь передо мной не было ни одного знакомого лица.

- Кто вы такие? - спросила я. - Как вы сюда попали? Это частная собственность.

Мои слова вызвали новый взрыв смеха, в затем одна из них - круглолицая грудастая блондинка с длинными, выкрашенными в голубой цвет волосами, блестками на губах и двумя серьгами - одна в правой ноздре, другая в голом пупке (ненавижу подобное членовредительство!) - побежала ко мне, раскидывая руки, и с криком "С днем рождения, Эми!" обвила меня руками, обдав приторным запахом не то карамели, не то сладкого ликера, а потом звучно чмокнула в щеку (с детства ненавижу поцелуи, да).

Для остальных это стало сигналом, и они во все горло, изображая торжественный вид, запели: "С днем рождения тебя, с днем рождения тебя..."

Вот же черт. Я, разумеется, зазубрила все числа, связанные с Эмили - дату рождения, дату аварии, номер социального страхования, номер телефона и так далее, вплоть до дат рождения и

⁸ Where does this fucking light turn on?

смерти ее матери, которую сама Эмили совершенно не помнила. Но для меня все это было абстрактным набором цифр, необходимым для заполнения разных форм и документов. Я не привыкла ассоциировать эти цифры с собственной жизнью, и у меня совершенно вылетело из головы, что день рождения Эмили как раз сегодня (точнее, я вообще не задумывалась, какое сегодня число). Чертов Моррингтон, мог бы и напомнить - или он тоже забыл?

Но главное, конечно, не это, а то, что он ни словом не упомянул об этих друзьях Эмили. И, конечно, не по злему умыслу - кто-кто, а он был меньше всего заинтересован, чтобы кто-то заподозрил, что я не она, а другая. Очевидно, он просто сам понятия о них не имел. Я уже поняла, что именно произошло. Видимо, пытаюсь выйти из депрессии после аварии и гибели отца, Эмили не просто замкнулась в себе, топя тоску в алкоголе (и, возможно, наркотиках). Она вообще решила начать новую жизнь, в которой как можно меньше напоминало бы ей о прежней. В том числе завела себе новых друзей - а также, вполне возможно, новые аккаунты в соцсетях под новым именем, новый телефон, с которого заходила туда, новую электронную почту. - и бог знает что еще. А Моррингтону она обо всем этом просто не рассказывала - да и не обязана была, ведь он не был ее психиатром или психологом. Хотя кричаще-красный "феррари" тоже был частью этого нового стиля жизни - прежде у нее был лишь скромный "форд", который почти все время (и до сих пор) стоял в гараже, ибо тогда Эмили чаще всего ездила с отцом на его "лексусе". Но Моррингтон не придавал должного значения этой смене машины - именно потому, что не был психологом - а зря. Теперь у нас могут возникнуть проблемы... Теперь все, что я учила о прежних знакомых Эмили, бесполезно, а о новых я не знаю ничего - даже их имен.

- Извините, - пробормотала я, когда они в последний раз пропели "те-бя-а-а". - Я очень устала, шесть часов за рулем. Туго соображаю. Как все-таки вы вошли? Неужели я забыла запереть дверь?

Они, похоже, и это склонны были принять за остроумную шутку, но голубоволосая впервые взглянула на меня серьезно и с тревогой:

- Но, Эми, ты же дала мне ключ еще полгода назад!

Видимо, это теперь "моя" лучшая подруга. Узнать бы, как ее зовут...

- Да, конечно, - кивнула я, улыбаясь, наверное, немного странно. - Но, я имею в виду - ты что, пригласила всех сюда от моего имени? Я ведь была в клинике и сама точно не знала, когда вернусь. Доктор сказал мне это только сегодня утром.

- Да, - кивнула та, - но ты же говорила мне еще перед отъездом, что это ненадолго, и до дня рождения ты точно вернешься, а если нет - дашь мне знать. Ну а поскольку ты этого не сделала, я решила, что все по плану. Разве ты не помнишь? - она вновь посмотрела на меня с тревогой. - Тебя там так обкормили таблетками?

- Ну, в общем... действительно, курс интенсивной терапии... пробормотала я. - Но со мной все в порядке. Просто очень устала. Так что, друзья, спасибо, но... - я уже сообразила, что главное - это побыстрее их выпроводить, а там я найду в доме и новый телефон, и компьютер Эмили, а в них - всю необходимую информацию. Все присутствующие - из категории "20+", то есть из поколения идиотов, выкладывающих полное досье на себя в интернет. Уже завтра я буду знать о них все. А, вот еще что не помешает... - Дайте-ка я вас всех сфотографирую! - предложила я, вытаскивая телефон.

Они, конечно, с готовностью выстроились в два ряда, и я сделала несколько снимков. Некоторые, правда, усердно корчили рожи, и я строго прикрикнула: "А теперь все сделали каменные лица, как на паспорт!" и щелкнула еще пару раз. Очень хорошо. Теперь искать информацию о каждом из них будет совсем просто.

- А сейчас, друзья, я правда прошу меня извинить. Мы повеселимся в другой раз, а сейчас я могу думать только о том, чтобы плюхнуться в постель.

- В постель мы всегда успеем! - скабрено ослабилась долговязый парень в футболке Йейльского университета (хотя, на мой взгляд, для студента он был уже староват) - и тут же

получил затрещину от девицы рядом, должно быть, его подружки. Очень хорошо, а то я уже успела испугаться, не "мой" ли это бойфренд. Не смутившись этим подзатыльником, он продолжал: - А сейчас идем за стол. Тебе ничего не придется делать, Эмили - мы уже все приготовили. Не бросать же теперь всю эту еду...

- И выпивку! - подхватил другой парень, пузатый и с бородой. С этим они, похоже, уже начали, не дожидаясь меня.

- И прочие сюрпризы! - подмигнул "студент".

Ладно, подумала я, только сейчас почувствовав, как проголодалась. Конечно, если я их сейчас прогоню, они не унесут жарчку с собой, но... не будем обострять. Я вполне могу занять позицию, позволяющую больше слушать, чем говорить. Из бесед в нетрезвой компании можно узнать даже больше, чем из социальных сетей, где каждый может отредактировать или стереть неосторожно вырвавшиеся слова.

Меня почетным эскортом отвели в столовую (они лучше меня знали, где находится столовая в моем доме) и усадили в большое кожаное кресло, в каких обычно восседали главные злодеи в "бондиане" - его специально приволокли и поставили во главе стола. Вид этого стола подтвердил, что начали тут без меня (погасив свет, видимо, лишь тогда, когда услышали шум подъехавшей машины), но торт "благородно" не тронули, и мне пришлось, разумеется, задувать 26 свечей. Потом настал черед подарков - по большей части это была всякая бесполезная хрень (что полезного можно подарить той, у которой и так все есть?) Включая, между прочим, очередную книжку про эльфов (кажется, это было продолжение той, что отправилась в мусоросжигатель клиники под Тихуаной), но, конечно, не простую, а с адресованной мне подписью от автора. Девица, сделавшая этот подарок, похвасталась, что специально ради этого моталась в другой штат, где тот проводил автограф-сессию. Я поблагодарила и подумала, есть ли на моей вилле мусоросжигатель. По идее, должен быть - ведь мой "отец" был серьезным бизнесменом, а значит, должен был позаботиться о легком уничтожении, а не просто выбрасывании, ненужных бумаг.

По-настоящему мне понравился разве что подарок голубоволосой (при том, что по-прежнему совершенно не нравилась она сама) - это была гитара, причем отличного качества. Прежде мне никогда не доводилось держать в руках столь хороший инструмент. Я не удержалась и тут же, несмотря на свою "смертельную усталость" (которую и в самом деле чувствовала, но не настолько смертельную), сыграла и спела им длинную мексиканскую воровскую балладу. Текст ее, на самом деле, мне никогда не нравился - слишком приторно-слезливый, как и все в подобном жанре, а в конце вообще глупость, где девушка собирает для похорон останки своего любимого, расчлененного конкурирующей бандой: "Руки были в змеиной норе, голова в осинном гнезде, а спина в муравьиной куче" - ну где автор видел осинные гнезда такого размера, чтобы туда поместилась человеческая голова?! Но мелодия там очень красивая - к тому же слов они наверняка все равно не понимали.

Я взяла последний перебор и посмотрела на моих слушателей. Меня удивило выражение их лиц. Они смотрели на меня чуть ли не расширенными глазами. "Я, наверное, что-то не то играю, - пронеслось у меня в голове. - Откуда дочке американского миллионера знать шансон мексиканских трущоб? Хотя - в эпоху интернета знать можно что угодно! А может, я просто играю недостаточно хорошо? Эмили умела лучше? Сошлюсь на усталость..."

- Эми, - нарушила, наконец, молчание одна из девиц (ее звали Клэр - некоторые имена я уже усвоила из их обращений друг к другу), - когда ты научилась так играть?

- А что - раньше было хуже? - усмехнулась я.

- Ну, откровенно говоря, да. Видно было, что ты стараешься, но... Да и со слухом и голосом у тебя было... Я тебе не говорила, конечно, но ты же знаешь, я сама в группе играла... в общем, я всегда считала, что музыка - это не твое. Но теперь беру свои слова - то есть мысли - обратно.

Вот же черт. Я ни разу не слышала, как Эмили играет и поет - она не выкладывала это в интернет, наверное, сама понимала, что не стоит этого делать. А я, выходит, делаю это слишком хорошо. Но что поделать - если я умею что-то хорошо, я просто не способна сделать это плохо.

- Брала уроки у одного профессионала, - пробормотала я. - Мексиканца. Он раньше играл в симфоническом оркестре в Мехико.

Честно говоря, я даже без понятия, есть ли в симфонических оркестрах гитаристы, или там только всякие скрипки и духовые. Тот парень из банды, что научил меня азам, уж точно никаким профессионалом не был - в музыке, я имею в виду - а дальше я уже, по большей части, выучилась сама, иногда подсматривая приемы у гитаристов в интернете, когда вай фай был достаточно хорош, чтобы качать видеоролики. Так что я просто ляпнула первое, что пришло на ум и звучало солидно. Но им это вполне подошло, теперь уже все дружно принялись меня хвалить и просить сыграть еще, а один парень даже сделал комплимент моему испанскому, заявив, что я пою "почти без акцента", идиотина. Но раз уж среди них был хоть кто-то, знающий испанский, я решила, что не стоит усердствовать в блатном репертуаре (а другого я практически не знала), так что сыграла им еще коротенькую пьесу без слов, которую выучила по интернету, и отложила инструмент, сославшись на усталость.

Пирушка продолжилась своим чередом, с непременными тостами, которые были для меня испытанием, ибо мне нужно было объяснить им, что я больше не пью. Я сказала, что после курса терапии в клинике начинаю новую жизнь, и пить буду только сок или газировку (и, кстати, курить тоже бросила, так что погаси, пожалуйста, сигарету, Джим, да, я серьезно, и да, травки это тоже касается!). И, естественно, вместо того, чтобы просто признать мой выбор, меня принялись уговаривать "символически", "по чуть-чуть" и "в последний раз". Если бы я и в самом деле была решившей завязать алкоголичкой, за такие подначки их следовало бы убить - у бывшего алкоголика не то что единственный глоток, но даже вид и запах спиртного способны вызвать рецидив, пустив псу под хвост месяцы и годы воздержания, потому и говорят, что алкоголики бывшими не бывают. Хотя, возможно, проблемы Эмили еще не успели зайти настолько далеко - а возможно (и скорее всего) эта пьяная толпа просто не отдавала себе отчета в их серьезности. Или же они попросту не верили, что та Эмили, которую они знали, всерьез решила завязать, и считали, что она просто играет в пай-девочку. Со мной - теперешней, настоящей - ничего бы не случилось от пары рюмок ликера (ничего крепче я не пью уже хотя бы потому, что не нравится вкус), и я могла бы и "поддержать компанию" - но меня раздражала их идиотская настойчивость. Парни в банде гораздо лучше понимали слово "нет".

И вот после очередного моего отказа поднялся Дэвид Йейльский Университет и объявил:

- В самом деле, вискарь - это пошло. Это для вульгарных реднеков. Думаю, девочки, настало время оттянуться по-взрослому, - и он с заговорщицким видом достал из кармана пакет с белым порошком и призывно помахал им в воздухе. Нетрезвые "девочки" (среди которых были и мальчики) встретили это восторженными визгами и восклицаниями "Wow!". Кто-то уже вытаскивал и сворачивал в трубочку стодолларовые купюры (подозреваю, что в эпоху всеобщего безнала эти купюры нужны были им исключительно для этого).

- Убери это, - жестко потребовала я.

- Да брось, Эмили, - скривился Дэвид, - не хочешь же ты сказать, что завязала и с этим тоже? Это же первоклассный кокс, чистый, как слеза ангела. Он не вызывает физической зависимости.

Много ты знаешь о слезах ангелов, тупой американский хлыщ. Мне представилось лицо Хуана, когда он чиркал зажигалкой в луже собственной крови и бензина, чтобы не попасть в руки тех, чей бизнес - такие вот пакетики.

- Я - сказала - убери, - отчеканила я. - Я не желаю видеть *это* в своем доме.

- Да ладно тебе, Эми, - раздраженно обернулась ко мне девка Дэвида, имени которой я до сих пор не знала (сам он называл ее просто "конфетка"). - С каких пор ты стала такой ханжой?

Не хочешь сама - никто не заставляет, но не порть другим веселье.

И тут меня прорвало.

- Во-первых, - сказала я ледяным тоном, - это *мое* веселье. Свое можете устраивать где-нибудь в другом месте. А во-вторых, кто-нибудь из вас когда-нибудь бывал в трущобах Тихуаны? Разумеется, нет. Даже в качестве туриста.

- Я была... - пискнула еще одна девка, но я тут же осадила ее:

- Ты была в туристическом квартале. Не в трущобах. Такие, как вы, бояться даже заглянуть туда - и, в общем, правильно делают. А представьте, каково там жить. Вы понимаете, что такое жить в городе со средним уровнем в сто убийств на сто тысяч жителей? Вас учили считать в ваших долбанных школах? Это значит, что если ты живешь там десять лет, то вероятность твоей гибели - один процент. Если пятьдесят, то пять. Скажете, пять процентов - это не так уж много? Но это в среднем по городу. Не в трущобах. В трущобах эта вероятность куда как выше. Там, на самом деле, до пятидесяти доживают не так чтобы очень многие. Из-за такой вот дряни. Не только из-за нее, но из-за нее в первую очередь. Вы знаете, что такое войны картелей? Знаете, сколько людей гибнет к югу от вашей долбаной границы, чтобы такие скучающие богатенькие жлобы, как вы, закидывались на своих вечеринках? - черт, я сказала "вашей долбаной границы". Надо было сказать "нашей". Хотя "нашей долбаной границы" тоже звучит как-то неестественно.

- Вы, конечно, можете сказать, что нечего их жалеть, потому что они плохие парни, - продолжала я. - Но, во-первых, из-за войн наркокартелей гибнут не только сами члены картелей. Но порою и совершенно невинные и случайные люди. Во-вторых, у этих парней часто просто не было выбора. У них же нет богатых предков, которые оплатили бы им обучение в Йейле. Если ты родился в трущобах Тихуаны - или в любом другом подобном месте - у тебя один путь - в банду. А в-третьих, если кто и имеет право их осуждать, то только не вы. Которые презирают их и отгораживаются от них пограничными стенами, но при этом охотно покупают кокс для своих дебильных тусовок. Платя наркобаронам за то, чтобы эти парни и дальше продолжали умирать ради вашего минутного тупого кайфа. Хотя чем вы лучше их? Только тем, что вам повезло родиться в другой части Калифорнии. К северу, а не к югу от границы. Это уж точно не ваша заслуга. Даже ваши деньги - на самом деле не ваши. Всё, что вы имеете - вы имеете благодаря своим богатым родителям. Все вы. Исключений нет! - повысила голос я, видя, что кто-то пытается возразить. - Даже ваши биллы гейтсы и илоны маски, якобы создавшие свой бизнес с нуля - я читала историю их успеха. Ни один из них не начинал из трущоб. Все - выходцы из богатых и уважаемых семей. А среди вас нет ни одного Билла Гейтса, - строго говоря, я не могла знать этого наверняка, но интуиция мне подсказывала. Если ты дожила в трущобах Тихуаны до двадцати трех и при этом не спилась, не сторчалась и не села - ты умеешь разбираться в людях. Ни одного из этих пижонов я бы не взяла в свою банду даже на самые вспомогательные роли. - Сколько стоило твое обучение в Йейле, Дэвид? Тысяч триста за все время? Это шесть миллионов песо. В Тихуане таких денег хватило бы, чтобы вытащить из нищеты целый квартал. И на что ты тратишь эти деньги? На то, чтобы сделать мир лучше? Нет. На то, чтобы финансировать наркобаронов, торгующих смертью, - последнее прозвучало несколько пафосно, но по сути было верно.

- А ты-то сама? - нашелся, наконец, Дэвид. - Ты много миллионов своего папочки раздала нищим?

- Нет, - сдала назад я, вспомнив, кто я теперь. - Потому что я знаю, что помочь можно только тому, кого ты знаешь лично. Любые пожертвования фондам и благотворительным организациям просто осядут в чужих карманах. Но если я и не делаю мир лучше, я, по крайней мере, не трачу свои деньги на то, чтобы сделать его еще хуже.

- С каких пор ты заделалась такой святошей? - снова злобно спросила "конфетка". - Похоже, тебе здорово промыли мозги в этой твоей мексиканской клинике!

- Можешь считать и так, - кивнула я. - Это выражение всегда употребляют в негативном

смысле. Но ведь на самом деле "мыть" - значит очищать от грязи. И я не хочу больше видеть грязь в своем доме. Так что, Дэвид, забирай свое дерьмо и проваливай. И шлюх своих прихвати.

Я употребила множественное число, имея в виду всех "девочек", жаждавших приобщиться к его "сюрпризу". Но "конфетка", естественно, приняла это исключительно на свой счет.

- Дэвид, - прошипела она, - ты что, так и будешь сидеть и слушать, как она меня оскорбляет?

Он, вообще-то, не сидел, а стоял. И я не очень понимала, что он, по ее мнению, должен был сделать - вызвать меня на дуэль? Но он лишь покорно спрятал наркоту в карман и пробормотал: "Думаю, нам действительно лучше уйти, Лиз".

Понятно, что за этими двумя потянулись и остальные. Кто-то уходил молча, кто-то неловко бормотал на прощание: "Ладно, Эмили, мы понимаем, ты устала, как-нибудь в другой раз..."

М-да, подумала я. Зря я все-таки так разошлась. И ведь, главное, не пила ничего крепче колы. Воображаю, чего бы я им могла наговорить, если бы поддалась их подначкам. А теперь даже пьяной, по совету Моррингтона, не притворишься. Все знают, что я как раз была единственной трезвой из всех.

В итоге остались только я и голубоволосая. Я до сих пор так и не знала ее имени. То есть несколько раз я слышала, как к ней обращались, но ее называли при этом просто "Ди"⁹, что могло быть сокращением от чего угодно. Дафна, Даяна, Дебора, Дениз, Долорес, Дороти... Только гринго способны сокращать имя человека до одной буквы. Меня всегда поражало, как нация, которой лень даже произнести имя (или любое слово длиннее пяти букв) целиком, могла стать первой в мире.

Такой уж это, видимо, мир.

- Спасибо за гитару, - сказала я еще раз. - Это был единственный подарок, который мне понравился.

- Я рада, - улыбнулась Ди. - И ты действительно классно играла. Я только не пойму, когда ты успела так научиться. Прямо в клинике, что ли?

Надо бы поскорее съехать с этой опасной темы.

- Да, - ответила я вслух. - Это... часть комплексной терапии. Лечение искусством.

- Ты же говорила, что тебе не нужно лечиться. Что едешь просто провериться на всякий случай, все ли в порядке.

- Ну да, - импровизировала я на ходу. - Физически все оказалось в порядке. А психика все еще не оправилась. Понадобилось лечение. Ты, наверное, скажешь "оно и видно"? - усмехнулась я.

- Ты толкнула классную речь, - возразила Ди. - А они придурки. Дэвид мне никогда не нравился.

Я окинула тоскливым взглядом длинный стол, уставленный тарелками с объедками и бокалами. В одной из недопитых рюмок плавал окурок. Другая была опрокинута, и на скатерти расплылось большое темно-красное пятно, словно лужа крови.

Интересно, есть тут прислуга? Постоянной точно нет, но хотя бы проходящая? Или мне придется убирать все это самой? Сейчас заниматься этим уж точно не хотелось - я действительно изрядно устала. А если оставить до утра, на пиршество налетят мухи и прочая погань. Даже живя в трущобах, я всегда строго следила за тем, чтобы не превращать свое жилище в питомник для насекомых.

- Я приберусь тут, - благородно предложила Ди, проследив направление моего взгляда. - А ты пока ложись.

⁹ Т.е. "D".

- Отличная идея! - благодарно вздохнула я. - Дорогу потом найдешь?

- Не впервой, - ухмыльнулась Ди.

А вот мне ориентироваться в этом огромном доме было впервой. Пришлось, выйдя из столовой, достать телефон и загрузить план дома, чтобы отыскать хозяйскую спальню.

Там было окно во всю стену с видом на океан (наверное, чудесным в солнечное утро или лунную ночь, но не в пасмурную пору, так что я скомандовала "шторы, закрыть") и кровать такого размера, что на ней можно было с равным успехом лежать что вдоль, что поперек. Я никогда в жизни таких не видела. Только при виде этой кровати я поняла, до какой степени хочу спать. Постель была уже застелена чистым, приятно пахнущим бельем, и я забралась туда, чуть не застонав от удовольствия. "Welcome home, Emily Harbinger!" - мысленно сказала я себе и через минуту уже спала.

Проснувшись я от ощущения, что в комнате кто-то есть.

В доме все было идеально - не скрипели ни двери, ни половицы (собственно, половиц там не было вообще, а весь пол спальни покрывал пушистый белый ковер, глушивший все звуки), но чувство опасности у меня развито прекрасно, как у всякого, кто жил (и выжил) на улице. Малейшее необычное движение воздуха или едва различимый чужой запах способны выдернуть меня из самого глубокого сна.

Я лежала на животе, обхватив руками подушку, но моя голова была повернута в сторону двери, и, осторожно приоткрыв правый глаз, я увидела, что дверь открыта. Тусклое ночное освещение из коридора обрисовывало силуэт входящей в спальню фигуры. Свет падал сзади, и я не могла различить черт лица, но фигура была безусловно женской, и к тому же я чувствовала слабый карамельный запах. Это была Ди.

И, насколько я опять-таки могла понять при таком освещении, она была совершенно голой.

Признаюсь, даже в этот момент я все еще тормозила. Я подумала, что Ди, на правах лучшей подруги, просто решила остаться переночевать, не спрашивая меня - в доме полно гостевых спален. Хотя я, спрашивая, найдет ли она дорогу, имела в виду отнюдь не это. (Возможно, кстати, на это рассчитывала и остальная компания - не планировали же они садиться за руль пьяными и обдолбанными? Теперь им, видимо, пришлось вызывать себе такси. А может, у них и персональные шоферы есть, черт их знает.) Ну а поскольку Ди, в отличие от меня, все-таки пила, то просто ошиблась дверью. Я замычала как бы во сне, давая ей шанс ретироваться, не попадая в неловкое положение.

Но ее реакция оказалась противоположной.

- Соскучилась? - промурлыкала она и устремилась к кровати чуть ли не бегом, - Лично я ужасно!

Вот же чё-о-орт!

Конечно, мне следовало догадаться раньше. Но Эмили - та Эмили, которую я знала по интернету и записям бесед - не была лесбиянкой. Несмотря на отсутствие бойфренда и репосты в поддержку ЛГБТ. Так же, как и репосты в поддержку коал не делали ее коалой. Ей нравились мужчины - это было очевидно по ее киношным вкусам. Красивые, сильные, уверенные в себе - и при этом не молодые парни, а уже состоявшиеся. Вероятно, такие напоминали ей отца. И нигде она не показывала ни единого намека на сексуальный интерес к женщинам. Едва ли потому, что она стеснялась за себя лично или за отцовскую компанию. В наши дни в Штатах такого никто не стыдится - скорее это может пойти в плюс.

Но это было до аварии. А после, ища выхода из депрессии, она, видимо, действительно ударилась во все тяжкие. Решила "поэкспериментировать" не только с алкоголем и наркотиками, но и с *этим* тоже. И внезапно поняла, что ей понравилось. А может, ей и не столь была важна телесная составляющая - просто это было условием близости с Ди...

Но долго размышлять над тонкостями чувствительной души Эмили мне было некогда,

поскольку Ди уже настойчиво лезла ко мне под одеяло, норовя прижаться своим горячим влажным телом (которому, кстати, не помешало бы сбросить килограмм десять).

- Нет, - я отодвинулась от нее. Хотя формально моя клятва касалась только мужчин, уж я "экспериментировать" точно не собиралась!

Но Ди, видимо, решила, что я просто играю с ней, и полезла снова.

- Я сказала "нет", Ди! - воскликнула я, отпихивая ее руки.

- Так устала, да? - ее игривый тон сменился сочувственным. - Ничего, ты можешь просто лежать и расслабиться, я все сделаю сама...

Сослаться, что ли, и впрямь на усталость, предложить перенести все на завтра, а потом как-то поделикатнее спустить все на тормозах при свете дня? Нет, не мой стиль. Не знаю, как там прежняя Эмили, а я привыкла разрешать любые недопонимания предельно быстро и четко.

- Ди! - я села на кровати лицом к ней, одновременно отгораживаясь от нее согнутыми в коленях ногами. - Я серьезно. Вылезай из моей постели. Можешь переночевать в любой гостевой спальне, если хочешь.

- Значит, вот как? - она тоже села. - Значит, теперь я для тебя просто "Ди"?

А как, блин, иначе, если я не знаю твоего полного имени, подумала я и тут же сообразила - видимо, у них с Эмили были друг для друга какие-нибудь сюсюкающие прозвища для интимной обстановки. Которые я не стала бы употреблять, даже если б знала.

- Ди, - веско сказала я. - Я благодарна тебе... за посуду, гитару и вообще... Но ты должна понять: то, что между нами было - это была не я. Не настоящая я. После аварии моя психика была изуродована еще сильнее, чем мое тело. Мне хотелось забыть все, что со мной было. Чтобы как-то отвлечься и развеяться, я была готова на все. Буквально на все. И просто катилась под откос. Если бы так и продолжалось, через год-другой я бы тупо сдохла от передоза. А может, и раньше. Я не думаю, что тебе бы это понравилось. Но и остановить меня ты бы не смогла. А в клинике меня снова вернули в норму. Я опять стала собой. Или даже лучшей, чем была до аварии. Но теперь уже мне нужно забыть то, как я жила этот год после аварии. Точнее, не забыть, но оставить в прошлом. Как будто это было с другим человеком. Не со мной. По сути, так оно и было.

Интересно, что я не сказала ей почти ни слова лжи - ну, с точностью до местоимения "я", конечно.

- Вот значит, как, - повторила она. - А я-то думала, у нас все серьезно. Значит, все слова, которые ты мне говорила...

- Ди, я не хочу тебя обижать, но это говорила не я. Это говорила моя болезнь.

Психическая травма. Попытки найти утешение хоть где-то - хоть в наркотиках, хоть в твоей постели.

- А теперь тебя в твоей сраной клинике научили, как заменить меня антидепрессантами. Понятно. Ну окей. Можешь теперь трахаться с ними, - она слезла с кровати.

- Я не хотела тебя обидеть! - поспешно произнесла я. - Я благодарна тебе за все, что ты для меня сделала. Вообще-то мы могли бы остаться *просто* подругами.

Разумеется, это было сказано неискренне. Я по-прежнему не испытывала к ней симпатии, и, главное, близкое общение с ней было для меня попросту опасно. Она могла знать об Эмили такие подробности, каких не знал больше никто. Но по этой же причине мне было опасно и превращать ее в жаждущего мести врага.

- Нет уж, спасибо, - она демонстративным жестом оскорбленной невинности прикрыла скрещенными руками свои жирные груди. - Передавай привет прозаку, - она развернулась и вышла.

Проснулась я довольно поздно и еще долго нежилась в постели - но, наконец, поднялась, натянула майку, решив пока этим ограничиться, и отправилась обследовать дом. Холодильник был забит остатками вчерашнего пиршества, включая куски торта, так что с завтраком проблем

не возникло. Ди нигде не было, и никакого беспорядка, который она могла бы оставить из желания напакостить, я, к своему облегчению, тоже не обнаружила (больше всего я опасалась, что она может забрать или повредить гитару) - так что я решила, что она успокоилась, переночевала в какой-то из спален и уехала рано утром.

Компьютер и новый смартфон Эмили я нашла без всяких проблем, и идентификация по биометрике и тут, разумеется, прошла на ура. Первым делом я занялась разбором электронной почты на ее новом, ранее неизвестном мне адресе. Ее было много, но ничего важного. В основном - всякие дурацкие рассылки, на которые Эмили была подписана. Нашла я и ее новые блоги, зарегистрированные на имя Lizzy Barrow. Это заставило меня хмыкнуть. Я понимала, как она слепила это погоняло. Имя было взято у Бонни Элизабет Паркер, более известной как просто Бонни, а фамилия (очевидно, во избежание путаницы с актрисой Элизабет Паркер) - у ее дружка и компаньона Клайда Эрроу. Я хорошо знала их историю - Хуан не раз сравнивал нас с ними, а я говорила ему, чтобы он так не делал, потому что они плохо кончили. И хотя, именно по этой причине, я не была фанаткой этих двоих, наглость Эмили меня одновременно возмутила и развеселила. Да какая из тебя Бонни, девочка? Твой потолок по части криминала - нюхать кокс на мажорских вечеринках. Если ты решилась нарушить папашиный запрет на курение, это еще не повод сравнивать себя с одной из самых знаменитых бандиток!

Ее новые друзья - во всяком случае те, с которыми она общалась в реале, а не только в интернете - разумеется, знали, кто она такая на самом деле, и с полным пониманием относились к ее желанию "не светиться перед журналистами". У многих из них у самих были дополнительные аккаунты под фальшивыми именами, где они ничего не стеснялись, в отличие от своих официальных. Тем не менее, установить их личности труда не составляло, особенно имея под рукой их фото, сделанные мной накануне. Как я и предполагала, все они были детками богачей, либо уже делавшими непьльную карьеру в компании родителей, либо прожигавшими жизнь в качестве беззаботных тусовщиков. К примеру, Дэвид оказался сыном банкира (в шестом уже поколении), та, что "играла в группе" - дочерью голливудского продюсера, а "конфетка" - сенатора от Демократической партии. Так, а вот и Ди... хм, ее фото попало в сегодняшние новости!

ДУЛЬСИНЕЯ ЦУКЕРКОПФ ПОГИБЛА В ДТП

САНТА КЛАРИТА, Калифорния. Местное полицейское управление сообщает, что сегодня между 2 и 3 часами ночи автомобиль, за рулем которого находилась Дульсинея Цукеркопф, 24, не вписался в поворот на шоссе №5 и упал с обрыва. От полученных травм мисс Цукеркопф скончалась до прибытия помощи.

Других людей в машине не было. Более никто не пострадал.

Непосредственной причиной аварии полиция называет значительное превышение скорости на сложном участке дороги. Представитель полицейского департамента не стал комментировать, было ли это случаем DUI¹⁰.

Дульсинея Цукеркопф была единственной дочерью Алана Цукеркопфа, владельца группы высокотехнологических компаний StarNet. Ходили слухи, что она находилась в длительном конфликте с отцом.

Мистер Цукеркопф недоступен для комментариев.

Дульсинея, надо же. Если бы меня так назвали, я бы тоже предпочла именоваться просто "Ди".

В чем я была уверена, так это в том, что это не было самоубийством. Просто не нужно садиться за руль пьяной, а тем более ночью, а тем более на горной дороге, а тем более еще и

¹⁰ Driving Under Intoxication - вождение в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

гнать при этом, давая выход эмоциям.

Так или иначе, я избавилась от, наверное, самого опасного для меня свидетеля. И не могу сказать, что это хоть на миг меня огорчило.

Никаких неприятностей для себя на этой почве я не ожидала - и не получила. Будь ее отцом Альварес, мне бы, вероятно, стоило напрячься. Но только не какой-то там Цукеркопф, сколько бы миллионов или миллиардов у него ни было. Человек, способный назвать свою дочь Дульсинеей, не посылает киллеров. Одна из его компаний, кстати, была клиентом моей, то есть моего "отца" - и осталась таковым. Хотя я и не пыталась вникнуть в бизнес, но это все же узнала. Не уверена, что мистер СтарНет вообще что-то знал об отношениях своей дочери с Эмили. Не уверена даже, что он знал, что его дочь лесбиянка.

Прочие дружки Эмили мне проблем тоже не создали. Трое из них прислали мне соболезнования по поводу Ди (на что я ответила сухим "спасибо"), а "конфетка", напротив, написала: "Ну что, довольна? Она сделала это из-за тебя!" (на что я не ответила ничего). Остальным после произошедшего на дне рождения было ясно, что прежней дружбе конец. То есть сразу после конфликта они, возможно, ждали, что я напишу им - мол, была усталой, под впечатлением рассказов, которых наслушалась в Мексике, погорячилась, давайте забудем и потусим нормально, как раньше. Потом думали, что я не пишу им, потому что переживаю после гибели Ди, и мне не до тусовок. А потом я просто поудаляла аккаунты Лиззи Бэрроу, и мне стало пофиг, что там они думают. Что мне промыли мозги в клинике, что меня накрыла депрессия из-за Ди, что одно наложилось на другое - в любом случае, угадать правду они не могли. Даже вообразить не могли. У них вообще - как было ясно видно по их аккаунтам в соцсетях - было очень плохо с воображением, у этих выпускников престижных университетов, оставивших там целые состояния только для того, чтобы набить себе головы набором готовых штампов, избавляющих от необходимости думать. Иные парни из трущоб с тремя классами образования обладают куда более живым умом.

В финансовых делах я разобралась настолько, насколько мне это было нужно. Компанией Харбингера управляли другие люди, и управляли, судя по результатам, вполне успешно. Мое вмешательство не требовалось, и его от меня никто не ждал - Эмили не вникала в отцовский бизнес ни до, ни после аварии. Моррингтону я заплатила, как и обещала. Он подтвердил получение и поинтересовался моим самочувствием, напомнив о своем обещании. Я вполне искренне заверила его, что чувствую себя прекрасно и вряд ли еще когда-нибудь буду нуждаться в его услугах. И стала жить дальше - так, как могла себе позволить теперь...

Я открыла для себя дайвинг и кайтсерфинг, выучилась ходить под парусом и ловить метровых рыбин в открытом океане. Я узнала, люблю ли я летать - купила электрический квадрокоптер, управление которым не требует пилотской лицензии ("Пилотом может стать каждый!" - гласила реклама, забывая уточнить "каждый, кто может потратить \$650 000"), и летала на нем вдоль побережья, над разноцветными дюнами, низко между скалами, холмами и деревьями, словно в компьютерных играх. Я побывала в национальном парке, где растут самые большие в мире секвойи. А когда налюбовалась калифорнийскими красотами, стала путешествовать по миру - и в те места, где Эмили бывала с отцом (ну, надо же мне было получить о них представление не только из гугла, если бы кто-то вдруг стал расспрашивать), и там, куда они не добирались. Хотя мне не понравились знаменитые на весь мир города типа Венеции или Парижа, с их вечными толпами туристов и целью существования - выжать из них побольше денег. Толп я навидалась и в Тихуане, пусть и хуже одетых, а нагло завышенные в разы цены всякий, кто вырос в трущобах, будет воспринимать как оскорбление всю жизнь, сколько бы миллионов у него ни было. Гораздо больше мне понравились красоты природы - норвежские фьорды, африканские саванны, индонезийские острова... Побывала я, между прочим, и в Австралии, где Эмили не бывала никогда. И таки увидела там коал! Они оказались все-таки более реальными, чем эльфы. Они жуют свои эвкалипты, как делали это и миллион лет

назад, задолго до появления человека, и с высоты этих самых эвкалиптов плевать хотели на всех людей, озабоченных их проблемами. У коал нет никаких проблем.

В общем, я на полную катушку наслаждалась своей новой жизнью. Той, о какой когда-то мы мечтали с Хуаном и которую я вела теперь без него.

Но даже он вспоминался мне теперь все реже.

Так прошло почти одиннадцать месяцев. И вот настал день, который для меня лично не значил совершенно ничего, но который очень много значил для Эмили. Годовщина аварии. День смерти ее отца. Во время первой годовщины Эмили - тогда еще настоящая - находилась в клинике, но я рассудила, что вторую годовщину мне все же следует отметить походом на кладбище. Хотя я не вела абсолютно никакой светской жизни, не попадала на страницы таблоидов, не завела себе новых друзей, не говоря уже о том, чтобы восстанавливать отношения с прежними друзьями Эмили (так было для меня не только безопаснее, но и комфортнее - передо мной был открыт весь мир, и я не нуждалась ни в утешителях, ни в развлекателях) - я все же решила исполнить этот ритуал на случай, если кто-нибудь все-таки ждет от меня этого. Известно, насколько Эмили Харбингер была привязана к отцу, и будет логично, если она принесет пару цветов ему на могилу в день его смерти. То есть, конечно, на самом деле ничего логичного в этом нет - по сути все такие ритуалы совершенно бессмысленны, мертвым уже ничего не нужно, а живым это лишь бередит раны (если таковые есть) либо попусту отнимает их время. А уж если вспоминать покойного, то делать это можно в любом месте - совсем не обязательно идти для этого туда, где зарыт его прах, не имеющий уже ничего общего с живым человеком. У меня, к примеру, никогда не возникало желание сходить на могилу Хуана, даже если бы таковая и была (а ее, разумеется, не было - власти, очевидно, дожгли в крематории то, что еще оставалось после пожара, как поступают со всеми неостребованными трупами). Но поди объясни все это тем, кто ждет от тебя именно такого. Проще уж потратить сорок минут.

Ради такого случая я даже надела черную юбку и туфли вместо своих любимых джинсов и кроссовок, но приехала, конечно, на своем ярко-красном "феррари". На кладбище было тихо и практически пусто, как обычно и бывает в таких местах. Беззаботно пересвистывались птицы и сновали под ногами белки, совершенно равнодушные к человеческой скорби, реальной или притворной. Из людей я заметила лишь пару рабочих в комбинезонах, копавших свежую могилу в отдалении, да пожилую леди во всем черном (даже в старомодной шляпке с вуалью), сидевшую на скамейке в тени кипарисов.

Я подошла к могиле с двойным надгробием: "ДЖОАН ЧЕЛСИ ХАРБИНГЕР, любимая жена и мать - РЕДЖИНАЛЬД НИКОЛАС ХАРБИНГЕР, любимый отец", и положила цветы на мраморную плиту, попутно отметив, что на ней нет ни пыли, ни птичьего помета - значит, за могилой кто-то приглядывал. Возможно, это входило в обязанности кладбищенского сторожа а может, существовал нанятый еще Эмили человек, ежемесячно получавший за это скромную плату - меня подобные мелкие расходы не заботили, и я не проводила их ревизию.

Никаких журналистов - или кто там еще мог наблюдать за Эмили Харбингер, пришедшей почтить память отца - в пределах видимости по-прежнему не было, как я и предполагала - помимо всего прочего, им пришлось бы торчать здесь целый день, ведь никто не знал, когда именно я приду и приду ли вообще. Дронов в воздухе тоже не было - кажется, кладбище для них запретная зона. Но в наше время ни в чем нельзя быть уверенным до конца - кто знает, не припрятана ли вебкамера где-нибудь среди веточек кипариса. Так что на всякий случай я постояла еще минуты три, изображая скорбные раздумья, и даже коснулась пальцами букв "любимый отец". Затем с чувством выполненного долга повернулась и пошла обратно к выходу.

- Эмили!

Я обернулась. Ко мне обращалась та самая леди в черном, сидевшая на скамейке. Теперь она встала и подходила ко мне.

Теперь я разглядывала ее внимательнее, мысленно выругав себя за то, что не уделила ей

должного внимания раньше. Лет пятидесяти пяти, сухощавая, невысокая, но кажущаяся выше из-за прямой, как палка, осанки. Строгий взгляд из-под полуопущенной вуали, сухие губы без косметики поджаты словно бы в гримасе вечно оскорбленной добродетели. Хотя я пересмотрела все фотографии, относящиеся к жизни Эмили, какие смогла найти, я была уверена, что никогда не видела ее прежде. А память на лица у меня хорошая, в трущобах это вообще полезное качество. Во всяком случае, ни на журналистку, ни на чьего-либо агента она уж точно не походила, но - внешность бывает обманчивой. Мне вспомнился английский сериал про мисс Марпл, хотя это, конечно, выдумка...

- Ты не узнаешь меня, не так ли? - она приподняла вуаль еще выше, совсем задрав ее на шляпку.

Я по-прежнему готова была ответить отрицательно - и собиралась в крайнем случае сослаться на последствия травмы - но тут мне показалось, что в верхней части ее лица все же есть смутное сходство с кем-то, кого я видела - но с кем?

- Я тетя Дженни, - пояснила она, ничуть, похоже, не удивленная моей "забывчивостью". - Сестра твоей матери.

Ах вот оно что. Да, теперь я поняла, что ее глаза и нос выглядят, как у Джоан. Не требовалось даже делать особую скидку на возраст - на последнем фото матери Эмили, которое я видела, она была уже сильно изнурена болезнью и выглядела намного старше своих лет. И все же я могла поклясться, что мне не попадалось никаких упоминаний о тете Дженни!

- Твой отец не хотел, чтобы мы общались, - продолжала она, - Мы с ним были... не в очень хороших отношениях.

- Тем не менее, вы пришли сегодня почтить его память? - не удержалась я. Или поторжествовать над мертвым врагом, добавила я про себя. Впрочем, скорее всего причина была не в том и не в другом - она просто воспользовалась благовидным предлогом, чтобы встретиться со мной. Встретиться лично, наедине, не прибегая к телефону и электронной почте.

Она открыла рот, и я подумала, что сейчас услышу что-нибудь вроде "Христос велел прощать!", но она выдала не настолько фарисейское объяснение:

- Здесь похоронен не только он, но и Джоан.

- Сегодня не ее годовщина.

- А разве о близких надо помнить только в годовщины? - возразила она и после короткой паузы добавила: - Ты ведь помнишь о нем не только в этот день?

Я не знала, какого ответа от меня ждут, и предпочла счесть вопрос риторическим.

- Ты все еще тоскуешь по нему? - продолжила она.

- Он был моим отцом, - ответила я. - И... я не знаю, что там произошло между вами, но для меня он на протяжении многих лет был самым близким человеком. Пожалуй, даже единственно близким, - настоящая Эмили, скорее всего, ответила бы именно так.

- Ты ведь не была здесь год назад?

А ты и тогда меня тут караулила? То есть, конечно, не меня, а Эмили...

- Я была в клинике, - ответила я вслух. - Проходила курс терапии, который помог мне преодолеть последствия аварии.

- Психические последствия? Ведь физически ты оправилась гораздо раньше?

- Тетя Дженни, - произнесла я уже тоном, призванным поставить ее на место, - как говорится, при всем уважении, ты не мой врач. Теперь я в порядке, и это все, что тебе следует знать.

- Да, конечно... но... Эмили, пойми меня правильно - я просто хочу тебе помочь. Пока он был жив, я не пыталась ничего тебе рассказать, потому что дала ему слово. Но теперь - ему это уже не повредит, а тебе позволит... тосковать не так сильно. Потому что твой отец был... не очень хорошим человеком. Я понимаю, что ты любила его, но не стоит его идеализировать.

Эмили, вероятно, на этом месте должна была заявить, что не желает этого слушать, и

поспешно уйти. Но я, конечно же, хотела знать все, что расскажет. тетя Дженни. Это могло быть важно.

- 25 лет назад, - продолжала она, - когда твоя мама была уже очень больна, он нанял для нее сиделку. Я тогда часто приезжала проведать Джоан, но, конечно, я не могла ухаживать за ней постоянно. А он уж тем более был на это неспособен. Так что само по себе это было, конечно, правильное решение. Но весь вопрос в том, *кого он* нанял. Не нормальную патронажную сестру с документами и рекомендациями, нет. Какую-то мексиканку. Нелегалку. Ты ее, конечно, не помнишь, тебе было всего два года... Ну, сама знаешь, сколько стоят в этой стране, - она, очевидно, имела в виду Штаты, - любые медицинские услуги. А той девке можно было платить гроши. К тому же она говорила, что училась на курсах медсестер - там, у себя в Мексике. Врала, наверное - иначе почему она не осталась работать там? В общем, он, то есть Реджинальд, решил сэкономить на умирающей жене - что, по-моему, уже характеризует его определенным образом. Хотя четверть века назад он еще не был таким богатым, как потом - его бизнес только раскручивался, но все равно... А может быть, для него уже и тогда деньги были не главным. Просто он знал, что эта девка согласится на все, и в случае чего не пойдет в полицию, чтобы ее не депортировали. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

Еще бы мне, выросшей в трущобах Тихуаны, не понимать.

- И вот однажды, - продолжала тетя Дженни, - я в очередной раз приехала навестить сестру и застала их вдвоем. Твоего отца и эту девку, я имею в виду.

- Это было изнасилование? - холодно осведомилась я.

- Хуже!

- Хуже?

- Они занимались этим, как я поняла, далеко не в первый раз, и по полному взаимному согласию. Я не берусь судить, кто из них кого соблазнил первым. Очень может быть, что это была она, мечтавшая подцепить богатого американца, который вот-вот станет вдовцом. Но даже в этом случае, он-то хорош! Можно сказать, прямо через стенку от умирающей Джоан! И кстати - очень может быть, что она, то есть эта мексиканская шлюха, собиралась ускорить эту смерть. Уж ей-то, как сиделке, это было проще простого! А он... я, конечно, не могу знать этого наверняка, но он вполне мог знать или хотя бы догадываться об этих ее планах. А то даже и прямо подталкивать ее к этому - это, мол, эвтаназия, а не убийство...

- Меня интересуют факты, а не твои предположения, - холодно перебила ее я.

- А факты таковы, что я, разумеется, потребовала, чтобы эта шлюха убиралась навсегда - не только из дома, но и из страны. Чтобы он заявил на нее в иммиграционную службу, и ее депортировали. Иначе о том, чему я стала свидетелем, станет известно всем. И даже если полиция не найдет признаков покушения на убийство, этот скандал разрушит его репутацию, а следом и его бизнес. Ему было некуда деваться, и он пообещал. Я потребовала, чтобы он позвонил и доложил о ней при мне. И тогда, вообрази себе, эта сука бухнулась передо мной на колени и принялась умолять меня этого не делать. Сказала, что они любят друг друга, что он обещал жениться, и что она... беременна от него. Ну, это ж у них всех любимая тактика - любой ценой родить в Америке! А потом пускай хоть депортируют, лишь бы их выблядок автоматом получил гражданство. А как вырастет - перетащит сюда и шлюху-мамашу, и всю ее родню, чтоб они тут жировали на наши налоги... Ну, с этим-то у нее не выгорело. Вышвырнули обратно в Мексику, как миленькую. Но и Реджинальд взял с меня слово, что я никогда никому не расскажу, особенно тебе, когда ты вырастешь. Что я честно и выполняла, но раз уж теперь он мертв...

Реджинальд. Мне мешало догадаться это имя.

Но полное имя отца Эмили - Reginald Nicolas Harbinger.

R.N. Все та же дурацкая манера гринго сокращать имена до инициалов.

Читается "АрЭн".

Арон¹¹.

Теперь я поняла, что так поразило Моррингтона, когда он сделал анализ моей ДНК. И ведь, главное, он практически проговорился, когда сказал, что сперва подумал, будто перепутал образцы - мои и Эмили. И даже верно угадал подоплеку всей истории. Но спохватился и не стал открывать мне правду. Побоялся, что я откажусь от плана, предусматривающего убийство моей единокровной сестры? Если так, он явно переоценил мою сентиментальность. Любая проститутка из трущоб Тихуаны была для меня в большей степени сестрой, чем Эмили-мать ее-Харбингер. Или он просто предпочел приберечь тайну на всякий случай, еще не зная, как она сможет пригодиться в будущем? Зато теперь понятен был его оптимизм по поводу (не)возможности осложнений. Мой искусственный химеризм оказался предельно близок к природному... Что ж - в конечном итоге все, пожалуй, устроилось неплохо.

В конечном итоге.

Я вновь перевела взгляд на тетю Дженни, поняв, что пропустила ее последние фразы. Кажется, она говорила что-то на тему "вот, теперь ты знаешь правду о своем отце..."

Ты даже не представляешь, насколько ты права, подумала я.

- И? - произнесла я вслух, глядя ей в глаза. - Чего ты от меня хочешь? Денег? Надеешься шантажировать меня так же, как моего отца?

По тому, как сперва сузились, а потом в притворном возмущении расширились ее глаза, я поняла, что попала точно в цель.

- Эмили, как ты можешь так говорить! Ведь я же спасла тебя! Если бы не я, эта шлюха женила бы его на себе, и все досталось бы ей и ее убудку! А ты получила бы только жалкие крохи!

- И теперь, - кивнула я, - ты ждешь, что я отблагодарю тебя за твою трогательную заботу обо мне и моей матери.

Черт, я была так зла, что проговорила! К счастью, она не поняла, о ком речь:

- Джоан, конечно, получила надлежащий уход, но увы - спасти ее было уже нельзя. Хотя все-таки благодаря мне она прожила так долго, как было возможно. Я не дала им убить ее раньше времени.

- Дольше промучилась, ты хочешь сказать. А знаешь что, тетя Дженни? Я думаю, ты вовсе не любила свою сестру. Я думаю, что ты жутко завидовала ей, потому что это ты хотела отхватить себе молодого перспективного бизнесмена, а он сделал выбор в ее пользу. Когда ты узнала о ее болезни, ты зачастила к ним в дом, думая, что это твой второй шанс. Но тут на пути у тебя встала... эта мексиканка. Опять облом! Обидно, да? - по ее лицу я снова поняла, что все угадала правильно. - А третьего шанса у тебя уже не было и быть не могло. Отец возненавидел тебя. И все, что тебе осталось в утешение - это та ежегодная сумма, которую он отстегивал тебе за молчание. Уже не потому, что боялся повредить своему бизнесу. Потому, что не хотел расстраивать меня. Но он умер, и краник закрылся. Поэтому ты караулишь меня второй год подряд в надежде хоть как-нибудь открыть его снова. Но знаешь что? Мне абсолютно плевать на любые твои разоблачения. Можешь опубликовать их хоть в Wall Street Journal. Как ты совершенно справедливо заметила, мой отец мертв, и повредить ему ты не можешь уже ничем. А больше твои сплетни четвертьвековой давности не интересны уже никому. Так что очень надеюсь, что вижу, слышу и... обоняю тебя в последний раз.

Я развернулась и пошла прочь, зная, что она не посмеет за мной последовать. И все же, подумала я с усмешкой, пристегиваясь в своем "феррари", кое за что ее можно было бы поблагодарить: теперь я окончательно удостоверилась, что все сделала правильно. Не то чтобы я и раньше хоть сколько-нибудь комплексовала по этому поводу, но теперь я знала, что заняла это место по праву. Не только по праву сильного или хитрого, которое только и признается в

¹¹ По-английски имя Арон читается æгəп - примерно как Эрэн. Разница между начальным "эр" и "ар" достаточно невелика, чтобы мексиканский акцент матери Анхелины сделал ее неразличимой.

трущобах. Но и по праву, отобранному у меня 25 лет назад, еще до моего рождения.

Жаль, продолжала усмехаться я, вырuling на шоссе (и теплый ветер, таки да, трепал мои уже изрядно отросшие волосы), что нельзя продать этот сюжет телевизионщикам. Это же прямо готовый сериал. Вот только в сериалах разлученные в детстве сестры в финале счастливо воссоединяются. В жизни все происходит немного по-другому.

Впрочем, в каком-то смысле можно сказать, что мы с Эмили как раз-таки счастливо воссоединились. С биологической точки зрения.

И об этой биологии мне вскоре пришлось вспомнить.

Я получила e-мэйл от Моррингтона.

К этому времени я уже и думать о нем забыла. Прошло уже тринадцать месяцев моей новой жизни, и эти месяцы были столь насыщены, что все, что было раньше, отошло на далекий-далекий задний план, словно даже и было вовсе не со мной, словно я просто когда-то давно прочитала об этом в книжке. Я даже не помнила уже точную дату операции (в отличие от дат, связанных с жизнью Эмили, я ведь не зубрила ее специально). Я уже полностью привыкла к своей новой внешности, а об изменениях, все еще происходящих у меня внутри, не задумывалась. Мое здоровье не давало мне поводов задумываться об этом.

Так что это письмо стало для меня, как говорится, громом среди ясного неба.

"Боюсь, у меня для тебя не очень хорошие новости, - писал он (когда врач говорит "не очень хорошо", это значит, что все хуже некуда). - Как ты знаешь, я продолжаю хранить образцы тканей донора, - очевидно, таким образом он обозначает плавающее в формалине тело Эмили, подумала я, но дальше он уточнял: - В том числе в виде живых культур клеток. Я наблюдаю за процессами, происходящими в этих культурах, поскольку они во многом аналогичны тем, что происходит *in vivo*, т.е. в твоём организме. К сожалению, в последнее время эти процессы свидетельствуют о развитии той же болезни, от которой умерла мать донора. (Моррингтон явно избегал употреблять в письме имена и названия, по которым можно было бы определить, о ком речь, но я, выучившая биографию Эмили, помнила, что речь идет о боковом амиотрофическом склерозе. Однако до сих пор для меня это был просто абстрактный набор слов, который надо зазубрить, и не более чем.) Предрасположенность к этому заболеванию передается генетически, так что такой вариант был возможен, хотя я и надеялся, что этого не произойдет. Это не означает, однако, что с тобой непременно случится то же самое! Поведение клеток *in vitro* и *in vivo* не всегда тождественно, поскольку в первом случае мы имеем дело с гомогенной клеточной культурой, - он, похоже, решил подавить меня своей латынью, - а во втором ткани и органы взаимодействуют между собой сложным образом. А в твоём случае - еще более сложным. Поскольку этот случай уникален, никаких теоретических прогнозов давать нельзя. Ты должна как можно скорее прибыть в клинику для полного обследования. Я уверен, что мы найдем решение. В крайнем случае - проведем еще одну операцию, используя ткани другого донора. Однако не медли, от этого зависит твоя жизнь!"

Первым делом я выругалась, как не ругалась со времен трущоб. *Hijo de mil putas*¹², он, видите ли, "надеялся"! Он знал, что так может быть, но и не подумал меня предупредить! А с другой стороны - а если бы предупредил, разве бы я отказалась? Имея выбор между Альваресом и восьмьюдесятью миллионами? (У меня их, кстати, снова было восемьдесят, согласно последнему финансовому отчету - дела компании продолжали идти в гору.) Если был хоть какой-то шанс... *maldito*¹³, да даже если бы не было никакого! Если выбирать между двумя смертями, то уж лучше так, после года счастливой жизни, чем в лапах у садистов Альвареса... А Моррингтон, выходит, еще и неожиданно благороден - предлагает мне помощь вместо того, чтобы просто бросить подыхать, ведь свои деньги он уже получил...

Стоп. Не верю я в чужое благородство. Жизнь в трущобах научила меня, что эту версию

¹² Сын тысячи шлюх (исп.)

¹³ Черт побери! (исп.)

следует рассматривать лишь после того, как отброшены все другие. А вот версию "тебя хотят поиметь", в том или ином смысле, следует рассматривать самой первой. Как бы логично и убедительно ни звучали его слова и об угрозе, и о его научном интересе... Он, конечно, обещал мне "гарантийное обслуживание". Но, во-первых, в какой суд я пойду с этим его обещанием? А во-вторых, он всегда может сказать, что, мол, возникли дополнительные расходы. Типа, саму процедуру я проведу бесплатно, но вот лекарство стоит триста тыщ долларов - извини, но от меня это не зависит, цены на тетранитрогидрокарбохреновитин очень выросли...

А лекарство будет обыкновенной водой из-под крана.

Я же не врач и не смогу его разоблачить. Я не умру (поскольку никакой болезни нет), он сплит бабки на ровном месте, и все будут довольны. А через какое-то время он обнаружит "угрозу рецидива" и предложит мне пройти еще курс...

Недаром же он так подчеркивает уникальность моего случая. По логике вроде все так - не придерешься. А по сути? А по сути он просто не хочет, чтобы я обратилась за консультацией к другому врачу.

Стало быть, именно это мне и надо сделать.

Разумеется, со всей возможной осторожностью, не раскрывая сути того, что со мной произошло. Вполне может оказаться, что Моррингтон все-таки не врет. Может быть и так, что одна версия не противоречит другой - он действительно хочет срубить с меня денег, но и болезнь действительно есть. Так что для начала мне нужно как можно больше узнать об этой болезни.

До сих пор я не интересовалась ее деталями - ведь Эмили была слишком мала, чтобы помнить, как именно умирала ее мать, а стало быть, и мне было незачем это знать. Теперь же я прочитала, что такое этот "склероз" на самом деле. Это оказалась действительно страшная вещь. У человека постепенно отказывают все мышцы, лишая его способности сперва двигаться, потом есть, а в итоге даже дышать самостоятельно - и при этом он остается в полном сознании до самого конца. Весь процесс от первых симптомов до конца обычно занимает от трех до пяти лет. И все, что может сделать пациент, будь он хоть самым богатым гринго в мире - это, пока он еще в состоянии говорить и писать, отказаться от "лечения" хотя бы на последних стадиях, от того, чтобы лежать полностью парализованным живым трупом, в который еду и воздух закачивают через трубки. Сделала ли Джоан хотя бы это - или ее добрая сестричка, гордившаяся тем, что "не дала им убить ее раньше времени", не позволила ей? Скрыла или заставила Реджинальда проигнорировать волю его жены? Воображаю, как эта ревнивая сука Дженни должна была торжествовать над беспомощной соперницей, которой не могли теперь помочь - даже помочь умереть! - все деньги ее "отхваченного" мужа... Нет, если подобное ждет меня, я, конечно, застрелюсь сама задолго до того, как потеряю способность это сделать! Не полагаясь ни на чью добрую волю и обещания вовремя отключить машину...

Но пока что я прочитала лишь описание БАС в общем виде. Мне нужно больше узнать о конкретном случае Джоан - который, как я уже поняла, имел свои индивидуальные особенности хотя бы потому, что обычно болезнь развивается после 40, а Джоан умерла уже в 30... Лучше всего побеседовать с доктором, который ее лечил... ну или пытался лечить. Хотя - прошло уже четверть века... этого доктора, возможно, уже нет в живых. Или он жив, но в маразме. Или даже не в маразме, но просто не помнит деталей и не хранит записей о столь давнем случае...

Но надо не сидеть и размышлять о препятствиях, а действовать! Возможно, времени у меня и в самом деле мало.

Идея, как найти того самого доктора спустя столько лет, пришла мне в голову быстро. Мой отец (теперь я знала, что могу употреблять эти слова без кавычек) был успешным бизнесменом. А такие люди обычно очень аккуратны со своими счетами и хранят все квитанции об оплате много лет - на случай каких-нибудь недоразумений. А о том, насколько огромны в Штатах медицинские счета и насколько неприятны связанные с ними недоразумения, я уже знала. На том самом дне рожденья, когда я еще не обломала всем кайф в прямом и переносном

смысле, а только прислушивалась к их пьяным разговорам, один из парней рассказывал историю, как одна медицинская компания спустя шесть лет после того, как он воспользовался ее услугами (попав в аварию на мотоцикле), вдруг проснулась и решила, что он не оплатил счет на 36 тысяч долларов (который на самом деле был давным-давно оплачен, просто информация об этом потерялась где-то между местной клиникой и головным офисом на Восточном побережье) и подала на него в коллекторское агентство. Причем он не имел об этом понятия, потому что письмо с уведомлением пришло ему только через месяц. За это время у него успел обвалиться кредитный рейтинг, в результате чего один банк аннулировал его платиновую карту, а два других урезали лимит. В результате чего, в свою очередь, не прошли автоматические платежи, и возникли уже реальные долги с реальными пенями... В конце концов ему удалось все доказать и вернуть, но нервы ему потрепали изрядно. И это при том, что квитанция об оплате у него была. А если бы не было?

Я верно рассудила, что, хотя сейчас большинство счетов и квитанций электронные (что могло создать проблему - у меня не было полного доступа к отцовскому компьютеру), четверть века назад они были бумажные, и я отыскала их в кабинете Реджинальда без большого труда. Медицинские счета были сложены в отдельную папку в хронологическом порядке. Я быстро нашла год смерти Джоан и стала просматривать их от более свежих в более старым. Счета от патронажного агентства... от некоего доктора Гилроя... от дантиста... от педиатра - очевидно, для Эмили... опять от Гилроя... и еще от него же - похоже, это тот, кто мне нужен! Имея не только фамилию, но и реквизиты, я быстро нашла его в интернете. Он действительно оказался специалистом по интересующей меня теме, но увы - умер три года назад. Так что по счетам от него я теперь могла разве что определить, когда Джоан обнаружила свою болезнь и как быстро та прогрессировала. Ну что ж, посмотрим хотя бы это. Так что я продолжала листать к началу стопки. Но фамилия Гилроя больше не попадалась. Счет от акушерского отделения - рождение Эмили... от гинеколога, видимо, наблюдавшего беременность Джоан... три вызова "скорой помощи" - судя по всему, беременность протекала тяжело... снова дантист... так, а это что?

"Центр репродуктивного здоровья. Наименование услуги: ЭКО..." - и дальше еще какие-то буквы и цифры. Я снова полезла в интернет и сумела расшифровать этот код. "Экстракорпоральное оплодотворение с подбором донорской яйцеклетки".

Восемь с половиной месяцев до рождения Эмили. Она все же появилась на свет слегка недоношенной. Но это не имеет значения.

Донорской яйцеклетки!!!

Никакие болезни Джоан могли меня больше не интересовать. Они не имели к Эмили - а соответственно теперь и ко мне - ни малейшего отношения.

На меня накатила такая волна облегчения, что задрожали руки и навернулись слезы на глаза. Вот интересно - когда я готовилась бороться за свою жизнь, ничего подобного не было. Ни сейчас, ни раньше, в трущобах. Мой мозг, как компьютер, хладнокровно просчитывал варианты. Эмоции приходили потом, когда опасность оставалась позади.

Почти машинально я все же долистала папку до начала, уже не думая, что увижу еще счета от Гилроя, и все же нашла еще один - самый первый. Еще до зачатия Эмили.

Болезнь Джоан обострилась уже после рождения ребенка - уж не знаю, было это следствием или совпадением, я не медик - но о том, что больна, она узнала раньше. Почти за пять лет до смерти. И, видимо, она непременно хотела родить ребенка своему мужу, но не хотела подвергать это дитя риску унаследовать ее дефектные гены.

Моррингтон, конечно, не мог знать эти подробности. Но что он знал совершенно точно, так это что ни в какой культуре клеток Эмили - а стало быть, и в моих - нет признаков болезни Джоан. И врал совершенно сознательно, дабы заманить меня в свою клинику и...

"Это ее обследование - не просто повод заманить ее сюда", - вспомнились мне слова Моррингтона. Сказанные чуть более года назад. И на тот момент после аварии Эмили тоже

прошло чуть более года.

Я прямо-таки услышала щелчок, с которым частицы паззла встали на место в моей голове.

Все странности поведения Эмили, когда бывшая пай-девочка и папенькина дочка стала пить, курить и ширяться, приобрела страх перед полетами, полностью сменила круг друзей, сетевые аккаунты и даже сексуальную ориентацию - все, что я (и все остальные!) объясняли последствиями травмы, имело куда более простое и естественное объяснение. И уж кому как не мне следовало давным-давно догадаться - ведь я и сама сделала фактически все то же самое, только в другую сторону!

Этот *sabrón*¹⁴ вовсе не собирался довольствоваться тем, чтобы год за годом продавать чудодейственное лекарство из водопроводной воды одной и той же лохушке. О нет, для него это было слишком мелко, да и лохушка могла со временем догадаться, что ее разводят. Он каждый раз перезапускал этот сериал с начала. И я была Эмили номер 3. Считая от настоящей, которая действительно прибыла в его клинику устранять последствия ожогов по экспериментальной и не сертифицированной в США, но чудодейственной методике...

Когда Моррингтон объяснял, почему не требует за свои услуги половину состояния Эмили - он говорил правду. Во-первых, это привлекло бы слишком много нежелательного внимания (да и слишком велико было бы искушение не заплатить - требующий чересчур много рискует не получить вообще ничего просто в наказание за свою наглость), а во-вторых, "зачем резать курицу, несущую золотые яйца?" Вот только "курицей" здесь была компания Харбингера, находящаяся на подъеме и с каждым годом приносящая новые доходы, которые можно аккуратно состригать. Вместе с головой очередной Эмили.

Я не знаю, кем была Эмили номер 2. Скорее всего, Моррингтон тоже подобрал ее в трущобах - хотя, возможно, и не в мексиканских, поскольку по-английски она говорила без акцента. Вероятно, она тоже относилась к мелкому криминалу, отсюда и псевдоним "Бонни", то есть "Лиззи". Но, судя по всему ее поведению - моего ума у нее не было и близко. Моррингтона это, наверное, поначалу только радовало - чем тупее лохушка, тем легче ее разводить. Но позже он, возможно, об этом пожалел - когда ее дурные привычки, уже никак не ограничиваемые финансово, пошли вразнос, грозя, что она или загнетса от передоза, или разобьется в пьяном виде, или угодит в какой-нибудь крупный скандал, который привлечет к ней слишком пристальное внимание не только прессы, но и полиции. А окажись она под арестом, она не только перестала бы быть для него дойной коровой, но и подставила бы его самого под угрозу разоблачения. Так что, возможно, первоначально Моррингтон решил найти ей замену именно по этой причине - а уже потом вошел во вкус...

Так что получается, что с формальной точки зрения я вовсе не убивала свою сестру, а напротив - покарала ее убийцу. Но это для меня в общем-то не имело значения.

Значение имел сукин сын Моррингтон.

Интересно, что он будет делать, если я не приеду? Теоретически, по-прежнему имея в своем формалине тело Эмили - а может, и те самые "живые культуры ее клеток", о которых он писал - он может создать Эмили номер 4 и без моего участия. Правда, без моих документов и прочих вещей - но все равно, с деньгами Моррингтона, наверное, не будет проблемой переправить ее через границу. Дабы она сама решила вопрос, как занять мое место. Это, правда, для Моррингтона большой риск - что, если она не сумеет убить меня и попадетса? Но проверять, пойдет ли он на такой риск, я, разумеется, не собиралась.

Я написала ему, что прибуду в его клинику через четыре дня. А потом написала еще одно письмо.

Альваресу.

¹⁴ Козел (в прямом и переносном смысле) (исп.)

Да, у боссов картелей тоже есть электронная почта. Причем не только официальная, которой они пользуются, изображая законопослушных бизнесменов, но и та, что известна лишь ближнему кругу. Я знала ее от Бульдозера.

Именно от его имени - используя, разумеется, сервис одноразовых e-мэйлов, прячущий все данные отправителя - я и написала.

Кто сказал, что Бульдозер умер? Те, кто стрелял в него? Те, кто видел потом обгорелые останки? Все они были неправы. Я объясню вам, босс, как вышло, что я живой, а главное - кто заказал похищение вашего сына.

Далее я расписала подробности нашей неудачной операции, из которых Альварес должен был понять, что пишет ему человек, действительно в ней участвовавший. А дальше шло самое интересное.

"Тот парень, которого завалили ваши люди - это был не я, босс. Это был мой двойник. Все дело в этом чертовом гринго, докторе Моррингтоне. У него клиника к югу от Тихуаны. Официально там восстанавливают внешность тех, кто пострадал от ожогов и всяких прочих травм, но на самом деле этот доктор сущий дьявол, босс. Никого он там не лечит. Он создает двойников. Берет кого и меняет его внешность на чужую так, что ни родная мама, ни полиция не отличит от оригинала - даже отпечатки пальцев совпадают. Настоящих пациентов Моррингтон убивает и заменяет двойниками, а они потом ему служат. Он говорит, что делает это с помощью каких-то генов и хромосомов, но я так думаю, тут без черной магии не обходится, босс.

Вот этот-то самый доктор и хотел похитить вашего Паблито. Чтобы наделать его двойников и продать их всем вашим врагам, каждому в тайне от прочих. И каждый из них потребовал бы у вас выкуп, и никто бы не знал, какой Паблито настоящий. А настоящего, наверно, и в живых бы уже не было.

Я виноват перед вами, босс, но Бог все-таки уберет меня - не позволил навредить Паблито. Меня не ищите - я уже не в Мексике, и я хорошо спрятался. А написать вам я решил вот почему. Я узнал, что этот проклятый доктор убил мою единокровную сестру Кончиту - да еще и продолжает издеваться над ней после смерти..."

Никакой сестры у Бульдозера не было, но никто ведь не знает, сколько телок перетраhal его папаша помимо его матери. Так что в появлении сестры, о которой ничего не знали ни городские архивы, ни сам Бульдозер до их чудесной встречи, ничего невероятного не было. Такое случается не только с Бульдозерами.

Далее я поведала, что на предательство своего босса Бульдозер пошел не из-за денег, а как раз-таки ради спасения сестренки, которая была тяжело больна и обратилась в благотворительный фонд Моррингтона. Доктор обещал помочь, если Бульдозер согласится помочь с похищением Паблито - даст свою кровь для создания двойника и расскажет все, что тот должен знать. И даже несмотря на то, что операция провалилась - сестра вышла из клиники здоровой. Но вот теперь Бульдозер узнал, что никакая это не сестра, а проклятый двойник - а мертвое тело его сестры проклятый доктор держит в подвале в чане с формалином и делает из ее трупа вытяжки, а из этих вытяжек готовит эликсиры, чтобы делать новых двойников. "Так уж вы, босс, за то, что я вам все рассказал и правду про ваших врагов открыл, сделайте доброе христианское дело. С Моррингтоном делайте, что хотите, а сестренку мою велите из чана достать и похоронить по-человечески. Она перед вами ни в чем не виновна и про мой сговор с Моррингтоном не знала, клянусь Девой Марией и спасением моей души."

Я, разумеется, не ожидала, что Альварес просто возьмет и поверит этой фантастической истории. Но, списав всю мистику на глупость и невежество Бульдозера, он решит, что какая-то реальная основа за всем этим может быть. И пошлет своего человека в клинику вежливо поинтересоваться, правда ли, что доктор располагает методикой, позволяющей поменять внешность так, что не распознают никакие системы сканирования биометрики? Жадность заставит Моррингтона заглотив наживку в надежде на конструктивное сотрудничество со

скрывающимися от полиции представителями криминала. Кстати, для Альвареса такое сотрудничество и в самом деле было бы выгодно. Но я была уверена, что он предпочтет месть. Для него это вопрос чести и принципа. И, разумеется, никаких оправданий Моррингтона, что он ничего не знает ни о каком похищении Паблито, никто слушать не будет (если у исполнителей будет мало времени) - либо же Моррингтон сам признается во всем (если времени будет много).

В том, что Альварес исполнит последнюю просьбу "Бульдозера", я уверена не была. Но почему бы и нет? Даже таким вырождакам, как Альварес, не чужда любовь к красивым символическим жестам - особенно когда им это ничего не стоит. Причем какого рода будет этот жест - захочет ли Альварес сыграть в благородство по отношению к несчастной "Кончите" или, напротив, не имея возможности добраться до Бульдозера, сорвет зло хотя бы на труп ее сестры (велит сжечь в бочке, а пепел спустить в канализацию) - это для меня уже значения не имело.

Я, кстати, не знала, что у "Кончиты" с лицом - я ведь так и не видела его в том чане. А те видео, где Эмили была без повязок, могли демонстрировать не ее, а Эмили номер 2, отвечавшую урок по биографии оригинала. А настоящая Эмили могла так и остаться обезображенной - ведь с практической точки зрения Моррингтону не было смысла возиться с восстановлением внешности той, которую он собирался тут же убить. Ну разве что - из научного интереса, как он выражался. Но если нет - тогда изуродованный облик "Кончиты", вероятно, лишь дополнительно разожжет гнев Альвареса, который подумает, что подобное могло ждать и его мальчика.

Три дня я просматривала тихуанские новостные сайты - и, наконец, дождалась:

"Страшный пожар уничтожил частную клинику в 30 км к югу от Тихуаны. Пожар начался поздно вечером накануне. К моменту прибытия пожарных огнем было охвачено уже все здание. Потушить пламя удалось лишь два часа спустя, когда здание полностью выгорело. Внутри пожарные и полиция обнаружили останки по меньшей мере 12 человек - по всей видимости, пациентов и ночной смены персонала. По злой иронии судьбы, одним из основных профилей клиники была реабилитация ожоговых больных. Выживших свидетелей трагедии не обнаружено. Основной версией причины случившегося полиция называет умышленный поджог.

Полиции до сих пор не удалось установить местонахождение владельца клиники - гражданина США д-ра Джозефа Моррингтона, основателя благотворительного фонда "Рука надежды", или связаться с ним. Неизвестно, находился ли он в здании во время пожара. Он объявлен пропавшим без вести.

Официально полиция пока не комментирует круг подозреваемых и входит ли в их число сам д-р Моррингтон. Известно, что на родине против него выдвигались обвинения в нарушении медицинской этики. Деятельность фонда "Рука надежды" также подвергалась критике со стороны независимого журналиста-расследователя Кристобаля Торментеса, однако по решению суда он вынужден был опубликовать опровержение."

Другое издание называло основной версией пожара войну между картелями. Мол, кто-то из главарей инкогнито проходил лечение в клинике, о чем стало известно конкурирующей банде, и они ликвидировали его, а заодно и всех возможных свидетелей.

Двенадцать человек, гм. Честно говоря, такой результат я не планировала. Но - их убил Альварес, а не я. Я указывала ему только на Моррингтона.

Его участь меня, признаюсь, беспокоила. Я почти не сомневалась, что он мертв, но - что, если ему все-таки удалось договориться с Альваресом? Или бежать, каким-то образом почуяв неладное? Как говорится, нет тела - нет дела...

В этих сомнениях я пребывала до вечера, когда на сайте появилась свежая новость:

"Шокирующая находка ожидала спасателей при разборе руин сгоревшей минувшей ночью клиники д-ра Моррингтона. В подвале здания, где, по всей видимости, находился морг, практически не пострадавший от огня, было найдено запечатое помещение. Когда замок вскрыли, внутри обнаружилась большая емкость, заполненная бальзамирующей жидкостью. А в этой жидкости плавал труп, обезображенный до такой степени, что для установления его личности

понадобилась криминалистическая экспертиза. Погибшим оказался сам д-р Моррингтон. Официально полиция сообщила лишь о "признаках насильственной смерти", но на условиях анонимности источник в полиции сообщил, со ссылкой на результаты судмедэкспертизы дословно следующее: "С него содрали кожу и бросили в формалин еще живым". Теперь уже нет сомнений, что д-р Моррингтон стал жертвой мести криминальных кругов. После того, как пожар уничтожил возможные улики, причины столь жестокой расправы, возможно, навсегда останутся нераскрытыми."

Ну что ж. Я ведь с самого начала предупреждала тебя, док - ни один мужик никогда меня не поймет, в каком бы то ни было смысле. А все, кто попробовали, горько об этом пожалели. Надо было слушать, что тебе говорят.

Я закрыла новостной сайт, но у меня оставалось еще одно дело в Тихуане. Я купила - через посредников, конечно же - участок на одном из тихуанских кладбищ и сделала заказ похоронной конторе.

Сегодня прекрасный день для морской и воздушной прогулки. Небо безоблачно, солнце сияет, отражаясь в безупречной синеве Тихого океана, и одновременно дует довольно крепкий и при этом ровный и устойчивый, без неприятных порывов, ветер. Одно удовольствие идти под парусом! Взлетать и садиться при таком ветре, правда, не очень удобно, но это касается только традиционных самолетов. Для квадрокоптера не существует понятия "боковой ветер", и его компьютер прекрасно справляется с балансировкой.

Я спускаюсь по лестнице моей трехэтажной виллы над океаном, чтобы сесть в мой квадрокоптер и лететь в гавань, где меня ждет моя яхта. На крыльце я останавливаюсь и довольно жмурюсь, подставляя лицо солнцу. Ветер треплет мои волосы, выбившиеся из-под шлема. Пахнет соснами и морем.

И тут в кармане у меня оживает телефон.

"У вас 1 новое сообщение."

Я открываю присланное фото.

На экране - тихий зеленый уголок в дальнем конце кладбища. Тот самый, который я купила. На нем свежестановленное мраморное надгробье. На надгробии надпись:

ХУАН ГЕРРЕРО
АНХЕЛИНА де ЛЕОН
ПОКОЙТЕСЬ С МИРОМ

В этом есть, конечно, и свой практический смысл. На случай, если кто-нибудь все еще разыскивает Анхелину.

Но я, всю свою жизнь мыслившая только практическими категориями, теперь тоже могу позволить себе и символический жест.

Я подтверждаю платеж за сделанную работу и убираю телефон. Затем спускаюсь с крыльца и иду к квадрокоптеру.

Я достойна занять это место.

Никто не заметил подмены.

Ключи проверяю в кармане.

2022

Символика имен

Педро Бульдозер - поросенок Петр. Пытается свалить из страны на угнанном тракторе.

Джозеф Моррингтон - тут и корень тог, означающий смерть, и отсылка к ирландской богине Морриган с весьма мрачной репутацией, и к многочисленным библейским Иосифам, потому что он творит "чудеса", превращая людей, и к Йозефу Менгеле.

Алан Цукеркопф - Илон Маск (который тоже назвал своего сына идиотским именем) +Цукерберг. StarNet - StarLink+SkyNet (из "Терминатора")+SpaceX.

Кристобаль Торментес - Христо Грозев

Герреро и де Леон - действительно распространенные в Мексике фамилии, означающие всего-навсего выходцев из одноименных провинций (мексиканской и испанской соотв). Но одновременно Guetгего значит "воин", а Leon - "лев". Кроме того, звучащая по-дворянски (хотя на самом деле не являющаяся таковой) фамилия Анхелины подчеркнута контрастирует с обстоятельствами ее рождения - на самом дне, в трущобах у матери-проститутки. Опять-таки тема ангела, сброшенного в грязь - и поднимающегося оттуда, но уже отнюдь не таким, каким он был бы в раю. Сохранившим ангельскую чистоту, но отнюдь не ангельскую доброту.

И - неожиданно для самого автора, который этого не знал! - Эмили значит "соперница".